

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

МЭЙДЕЛЕ

Владарг Дельсат

Мэйделе

«Автор»

2023

Дельсат В.

Мэйделе / В. Дельсат — «Автор», 2023

В раннем детстве Ингрид Мот осталась сиротой и была взята на воспитание к родственнице, не скупившейся на побои и скандалы. Невзлюбили девочку и в школе, сделав ее объектом для битья и издевательств. Но однажды жизнь Ингрид круто изменилась: она стала ученицей школы магии. Радости девочки не было предела, однако долгожданное избавление обернулось адом, а школа магии оказалась прикрытием для мистических нацистских экспериментов. Для чего девочка понадобилась нацистам и сможет ли она спастись?

© Дельсат В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	9
Часть 3	13
Часть 4	17
Часть 5	21
Часть 6	25
Часть 7	29
Часть 8	34
Часть 9	38
Часть 10	42
Часть 11	46
Часть 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владарг Дельсат Мэйделе

Часть 1

Ингрид Мот, черноволосая девочка с разноцветными глазами, узким длинным лицом, оканчивающимся скрытым под спутанными волосами широким лбом, имя своё не любила. Оно казалось каким-то слишком грубым, а грубости в её жизни хватало и так.

Её родители погибли в пьяной драке, по словам родственницы, у которой жила девочка. Именно эта родственница из милости не отдала Ингрид в приют, а дала кров, поселив даже в отдельной комнате.

Судя по виду и размеру, комната была скорее кладовкой под самой крышей дома. В ней уместилась кровать, сделанная из старых досок, на которой лежал тонкий матрац. Окошко под самым потолком было совсем маленьким, оно почти не давало света, как и сорокаваттная лампочка. Столом девочке служил деревянный ящик, на котором её и наказывали время от времени.

Когда Ингрид начала хоть что-то понимать, госпожа Грета объяснила ей, что взяла её в дом из жалости, поэтому та должна быть благодарной, отрабатывая своё питание и проживание. Сначала Ингрид сопротивлялась, но её быстро убедили, что она сильно неправда. Единственное, что запомнила девочка – боль, очень сильная боль сопровождала это «убеждение». Кроме неё у госпожи Греты и господина Карла был сын. Сына звали Фридрих, он был настоящим украшением семьи Бауэр. Толстый, круглолицый, со светлыми волосами и синими глазами, этот самодовольный, на первый взгляд, мальчишка неожиданно оказался добрым.

Больше всего Ингрид хотела, чтобы её обняли хоть разок, чтобы погладили, как гладят других детей, но... Она была «дерьмом», как её называла госпожа Грета, а, видимо, таким, как она, тепла было не положено. Когда девочка пошла в младшую школу – потому что это было её обязанностью, – она узнала, что в школе тоже могут побить. На дворе стоял тысяча девятьсот восемьдесят первый год, и в школе могли побить по лицу... И не только. Особенно Ингрид. Почему-то девочке попадало намного, намного больше других, но отчего было именно так, Ингрид не понимала. Она буквально наизнанку выворачивалась, стараясь угодить всем и в школе, и дома... Однажды силы девочки, жившей в небольшом немецком городке, закончились настолько, что она горько расплакалась прямо во дворе школы.

Фриц увидел девочку, про которую ему с детства говорили, что она плохая и никчёмная, при этом стоило мальчику хоть как-то попытаться сблизиться с Ингрид – сразу же следовало наказание. Почему с девочкой так обращаются, Фриц совершенно не понимал, решив, что родители просто за что-то ненавидят Ингрид, но вот увидев ту плачущей, мальчик подбежал, чтобы быстро увести её со школьного двора туда, где не найдут.

– Что с тобой? Что случилось? – Фридрих просто не выдержал, обнимая горько плакавшую девочку.

– Я никому не нужна... – страшные слова для семилетнего ребёнка. – Совсем никому...

– Неправда! Ты мне нужна! – выкрикнул мальчик, обнимая Ингрид так, как его самого обнимала мама. – Ты мне очень-очень нужна! Сестрёночка... – нежно произнёс он.

– Тебе же попадёт! – девочка, почувствовавшая тепло от этих слов, очень не хотела делать плохо... брату.

– Будем прятаться от родителей, – решил мальчик, прижимая к себе уже, пожалуй, сестру. – Тогда всё будет хорошо, а иначе бить будут.

– Тебя тоже? – расширила глаза девочка, пытаясь понять, как так – бить за тепло.

Этот разговор положил начало счастливому, просто очень счастливому времени – у неё был братик. Тайный, но он был, отчего жизнь казалась не такой беспросветной. Проходили дни, недели, месяцы, когда... В тот день девочку сильно побили в школе, а вот Фриц как будто исчез – его нигде не было. Задышавшаяся от слёз девочка медленно выходила из школы, когда непонятно откуда взявшаяся огромная сосулька упала прямо перед входом в школу. Что её спасло, Ингрид и сама не поняла. Затем по дороге домой её чуть не задавила мчавшаяся на красный машина. Девочка уже дрожала, но и дома... Пытаясь пробраться к себе в комнату, она почувствовала сильный удар по спине и упала.

– Никчёмная! Отвратительная! Гадкая! – закричал Фриц, принявшись пинать девочку ногами.

– Фриц! За что? – не выдержала Ингрид, но очередной сильный удар, похоже палкой, чуть не вышиб из неё дух. В глазах мальчика, казалось, нет ничего человеческого, и от этого зрелища девочка потеряла сознание, очнувшись у себя в каморке. Что такое произошло с Фрицем, она не понимала. Совершенно не понимала, он выглядел... как будто сошёл с ума. Ингрид тихо-тихо расплакалась, она опять была совсем одна. Совсем одна в девять лет.

С того самого дня Ингрид начала ощущать, что всё происходящее – это не с ней, не про неё, не... Механически выполняя назначенную работу, девочка замыкалась где-то в глубине себя, лелея память, в которой были руки брата, совсем непохожего на то, чем стал Фриц. Единственное тепло в жизни ребёнка.

* * *

В небольшой комнате, чем-то напоминающей кабинет, в удобных креслах сидели двое мужчин. Они были как-то неуловимо похожи друг на друга. Одеты в чёрные костюмы, с волевыми лицами, мужчины, лет сорока на вид, тихо переговаривались. Серые стены комнаты скрадывали их слова, а за широким окном жил большой город, ничуть не заботясь о происходящем здесь.

– Итак, Вернер, эта... *выродок* выжила? – поинтересовался один из мужчин, отпив желтоватого цвета прозрачную жидкость из высокого стакана. – А ведь ей девять? Ещё три года – и инициация, после которой мы ничего не сможем сделать.

– Да, Карл, Бауэры оказались на редкость мягкотелыми, – сокрушённо покачал головой названный Вернером. – А пацана пришлось проводить через гипноз.

– С гипнозом вы это зря, – заметил тот, кого собеседник назвал Карлом, сцепив при этом руки на колене. – Если бы он забил девчонку, гипноз могли и обнаружить.

– Ну не забил же... – хмыкнул Вернер, отпивая ещё глоток и чуть прикрывая глаза. – Предлагаю перевести её в нашу школу... Заодно оценим её способности.

– В вашу... Это которая по специальным возможностям? – хмыкнул Карл. – А как обоснуете?

– Да как всегда, – брезгливо скривился его собеседник. – Или «школа для одарённых», или... да хоть «школа магии», например.

– В школу для одарённых, пожалуй, не поверят... – Карл Мюллер задумчиво посмотрел в такой же серый, как и стены, потолок. – А вот школа магии, ребёнок же. Иллюзию можно использовать, только не кентавра, а что-нибудь эдакое... Зелигены¹ или даже Хайцель²?

Мужчины пустились в обсуждение деталей плана, сводившегося к тому, чтобы одна маленькая девочка прекратила своё существование. По какой-то причине они не могли её просто убить, что, видимо, раздражало обоих, но тем не менее Карл и Вернер планировали воз-

---

¹ В немецком фольклоре женские лесные духи, прекрасные длинноволосые блондинки, помогающие путникам.

² В немецком фольклоре домашние духи, которые, подобно брауни, за скромную плату выполняют домашнюю работу.

можность прервать жизненный путь Ингрид Мот. Что им обоим сделала маленькая девочка? Это ещё только предстояло выяснить.

* * *

Красивая женщина в белых одеждах одним движением заставила занёсшего ремень в очередной раз господина Карла замереть, бешено вращая глазами. Эта женщина была очень красивой. Мгновенно исполнив мечту Ингрид, она обняла девочку, а потом дала возможность одеться, взяла за руку и куда-то повела. Незнакомка молчала, а Ингрид вдруг стало всё равно, только идти было очень тяжело – мужчина хорошо постарался на этот раз, при этом девочка не понимала за что.

– Меня зовут ффрау³ Таира, – произнесла женщина звучным мелодичным голосом. – Сейчас мы отправимся в новую школу, где ты будешь изучать искусство магии.

– Но для этого, наверное, нужны какие-то способности? – тихо спросила Ингрид, очень желая поверить в чудо.

– У тебя они есть, поэтому Бауэры тебя так не любят, – объяснила ффрау Таира. – Они завидуют. Теперь ты будешь жить и учиться в школе.

– Я больше к ним не вернусь? – с надеждой поинтересовалась девочка, почти готовая принять чудо.

– Зависит от твоего поведения, – улыбнулась эта необыкновенная женщина, обняв Ингрид ещё раз. Почему-то объятия женщины были хоть и приятными для изголодавшейся без ласки девочки, но какими-то очень холодными.

Вокруг вдруг будто взлетела земля, девочку закрутило на месте, и на мгновение стало очень больно, так больно, что Ингрид потеряла сознание. Очнулась она, лёжа на какой-то деревянной скамье. Помещение напоминало её комнату – тёмная, узкая каморка, в которой была эта скамья и какой-то мужчина, сидевший в кресле. Ффрау Таиры нигде не было – только этот мужчина, обративший на девочку внимание, стоило той только пошевелиться.

– Ффрау Мот... – констатировал мужчина, одетый в тёмный костюм. Его волосы были седыми, а глаза оказались синими, будто затягивавшими в себя, и это, пожалуй, было единственным, что успела заметить Ингрид. – Встаньте.

– Да, – согласно кивнула быстро вскочившая девочка. – Где я?

– Вы всё узнаете в свой срок, – сообщил ей незнакомец. – Ваша повседневная одежда и школьная униформа находятся в комнате, вот ключ, – он протянул нечто похожее внешне на цилиндр. – Рекомендую немедленно переодеться, если не хотите быть наказанной. Правила внутреннего расписания вам объяснит комендант женского общежития.

– А где я найду коменданта? – поинтересовалась ничего не понимающая Ингрид.

– Прямо по коридору и направо, – равнодушно ответил мужчина. – Вы свободны.

В голосе незнакомца прозвучала угроза, что заставило девочку немедленно выскочить из помещения, двинувшись в сторону, указанную этим равнодушным мужчиной. Ожидание чуда медленно умирало, серые стены вокруг и окна, забранные решётками, наводили на мысль о тюрьме, где, если верить господину Карлу, Ингрид было самое место. Стало очень страшно, но, понимая, что выхода все равно нет, всхлипывающая девочка дошла до двери с надписью «Комендант» и робко постучалась.

За дверью обнаружилась комната, стены которой были выкрашены зелёной краской, под потолком качалась лампа, напротив двери оказались странные плакаты, вызывавшие подсознательный страх. Изображённые на них солдаты в чёрной униформе с молниями⁴ на шлемах,

---

³ Госпожа (нем.).

⁴ В немецкой школе нацизм проходят в восьмом классе, до тех пор большинство детей о такой истории своей страны

какие-то странные символы и даже черепа вызывали желание сбежать. Кроме этого, в комнате находился стол, за которым сидела белокурая женщина с брезгливым выражением лица. На столе лежали какие-то бумаги, тонкая чёрная палка и... карандаши.

– Добрый день, – поздоровалась Ингрид. – Меня послали к вам, чтобы выяснить правила... – почти шёпотом произнесла она. Становилось все страшнее.

– Имя! – выплюнула женщина, посмотрев на вошедшую так, будто собиралась избить прямо сейчас.

– Ингрид Мот, – представилась девочка, а в ответ белокурая как-то предвкушающе заулыбалась.

– Очень хорошо! – явно обрадовалась комендант. – Вам необходимо вне своей комнаты ходить в униформе, быть аккуратной и чистой. За неопрятность вы будете наказаны. В комнате можете хоть обнажаться – это ваше право. Из школы разрешено выходить, получив увольнительную, и только в выходной одежде. Сохранение одежды в чистоте – это ваша забота. Подъём в шесть утра, затем зарядка, для которой есть специальная одежда, следом водные процедуры, завтрак и занятия. Полное расписание висит на стене в вашей комнате номер три. Вы свободны!

Не дав девочке вставить ни слова, женщина практически выгнала ту из комнаты в коридор. Ингрид начала понимать: это что угодно, только не сказка. Было очень страшно, просто до дрожи, хотя свою комнату она нашла быстро. Оценив чёрную форму и странного вида бельё, девочка грустно вздохнула. Видимо, та женщина в белом ей только приснилась, а теперь... От Бауэров можно было хотя бы убежать, как думала Ингрид, а здесь – решётки на окнах...

Кровать оказалась очень жёсткой, бельё свежим, будто только что постеленным, что для привыкшей к тому, что постельное бельё не меняется никогда Ингрид стало неожиданностью. Взглянув на часы, висевшие там же в комнате, девочка поняла, что у неё есть ещё время до сна, но было просто очень страшно, поэтому, раздевшись, Ингрид приняла душ, сложив свою одежду в предназначенную для этого корзину. На корзине нашлась надпись «грязное», что предполагало назначение этой ёмкости. Одевшись в длинную ночную рубашку, девочка улеглась в постель, пытаясь понять, что её ждёт дальше, но, видимо, психика ребёнка очень уж была перегружена, заставляя Ингрид пугаться всего вокруг. Девочка с трудом справлялась со своим страхом. Закрыв глаза, она попыталась уснуть, что ей неожиданно удалось.

В очень страшном, на первый взгляд, месте беспокойно спала та, кого одна добрая женщина, сохранившаяся в глубинах памяти, когда-то называла *а идише мэйделе*.⁵

не подозревает.

⁵ Еврейская девочка (идиш).

Часть 2

Уроки в школе начинались с тринадцатого сентября, хотя год от года отличался, правда, с чем это связано, Ингрид не знала.⁶ Однако сейчас на календаре было самое начало сентября, поэтому даже расписание дня не вступило ещё в силу. Школа производила впечатление пустынной, поэтому, надев униформу, состоявшую из чёрной юбки чуть ниже колен, такого же по цвету пиджака и белой блузки, сунув ноги в чёрные же туфельки, – хотя выданы были и высокие сапоги со шнуровкой – после утренних водных процедур Ингрид вышла из комнаты, пытаясь сообразить, где можно позавтракать.

Уже знакомая комендант сегодня щеголяла какой-то странной улыбкой, показавшейся девочке фальшивой. Женщина явно ждала кого-то, похлопывая тонкой гибкой палкой по ноге. Как называется эта палка, девочка не знала, но при взгляде на неё почему-то становилось страшно. Очень медленно подойдя к коменданту, Ингрид вежливо поздоровалась.

– Встала? Очень хорошо! – обрадовалась страшная женщина. – Пойдём со мной.

– Да, фрау, – послушно кивнула девочка, которой опять казалось, что всё вокруг происходит не с ней, а какой-то другой девочкой.

– Сегодня прибыли все сироты, – сообщила ей комендант. – Послезавтра состоится церемония Начала, там, в зависимости от ваших способностей, вам назначат кураторов. С понедельника начнётся обычный день, то есть зарядка, для которой нужно надеть специальную одежду – куратор объяснит, какую именно, – и выйти из комнаты. За опоздание последует наказание. Все понятно?

– Да, фрау, – вздохнула Ингрид, не ожидавшая объяснений. По какой-то причине комендант заговорила именно о зарядке, а не об уроках, что смущало.

– Маг должен быть сильным и здоровым, – снизошла женщина до дальнейших объяснений. – В здоровом теле магия генерируется лучше. Кроме того, для мага важна дисциплина!

– Да, фрау. – От слов коменданта веяло какой-то первобытной жутью.

Представший перед девочкой большой зал был уставлен длинными столами, напоминавшими телепередачу про тюрьму, а железные стулья, как потом оказалось, намертво закреплены на полу. Женщина указала Ингрид на стул, негромко приказав сесть. Стоило девочке усесться, как перед ней возникли тарелка, вилка, ложка и нож. На тарелке лежали пара баварских колбасок, сочившихся жиром, яичница, квашеная капуста и большой ломоть сероватого хлеба. Поблагодарив, Ингрид принялась завтракать.

Надо сказать, что Бауэры кормили девочку по остаточному принципу, поэтому она в последний раз ела сутки назад, а по-людски – так и не помнила когда. Конечно же, от такого жирного завтрака Ингрид стало плохо. Через час после завтрака девочку уже сильно рвало в туалете – до помутнения в глазах. Ингрид мучительно избавлялась от завтрака, чтобы горько расплакаться потом – она думала, что отравилась. Когда девочка вышла из общего туалета, краем глаза она увидела улыбку коменданта, тихо всхлипнув.

Гуляя по школе, Ингрид заметила дверь на улицу, решив погулять, а заодно увидеть, где находится, но картины на улице были странными.

Школа представляла собой комплекс серых четырёхэтажных коробок с забранными решётками окнами, а видневшийся не так далеко забор был поверху увит колючей проволокой. Буквально рядом со школой возвышалась скала, выглядевшая чужеродно в этом месте, а чуть поодаль шумел лес, выглядевший чёрным и совсем не добрым.

---

⁶ Связано это с так называемыми «плавающими» праздничными днями, расположение которых каждый год разное. Такова система образования в Германии.

Всё вокруг воспринималось каким-то серым, в чём-то даже нереальным, при этом единственными яркими пятнами были два флага на флагштоке. Один – государственный, а второй красно-бело-чёрный с каким-то странным сложным символом. Такого Ингрид не знала, но решила не задумываться пока. То, что попала она совсем не в сказку, девочка поняла, как и то, что выбора у неё все равно нет.

– Привет! – услышала она голос сзади. Резко обернувшись, Ингрид увидела такую же черноволосую, как и она сама, девочку, смотревшую на неё серыми испуганными глазами.

– Привет! – радостно улыбнулась Ингрид, незнакомка фальшивой не казалась. – Меня Ингрид зовут!

– А меня Эльза... – девочка выглядела очень робкой и какой-то потерянной, отчего её хотелось обнять. – Ты не против дружить?

– Нет, конечно, – помотала головой Ингрид, обняв вздрогнувшую Эльзу. – Так здорово...

С новой подругой стало теплее и не так страшно, отчего Ингрид приободрилась. Жизнь уже не представлялась совершенно бесполезной, ведь у неё была Эльза. Больше ни с кем подружиться не удалось. Странно, но подавляющее большинство учеников были белокурými и синеглазыми, как смогла заметить Ингрид. Будь она старше и знай историю, то, наверное, что-то заподозрила бы, а сейчас – восприняла как факт. Так прошёл день, и наступило время «церемонии», что бы это ни значило.

* * *

Высокий мужчина со светлыми, почти белыми волосами, стоял перед строем молодых мужчин и женщин, которым предстояло стать комендантами и кураторами в новом учебном году. Одетые в чёрную униформу с треугольниками на рукавах, они, казалось, даже дышали в унисон. Оценив ничего не выражающие лица стоявших в строю, мужчина заговорил:

– В этом году у нас двое... Отродья отличаются от обычных жертв, прошу учесть. Они должны потерять всякую радость и желание жить, но ни в коем случае не сдохнуть в стенах школы, в отличие от предыдущих, – он оценил выражения лиц и вздохнул.

– Позволено ли мне будет спросить... – поинтересовалась одна из комендантов. Подумав, не наказать ли слишком говорливую сотрудницу, мужчина посчитал уместными некоторые объяснения. По его жесту зажглась иллюзия большого кристалла, по которому пробежали синие сполохи.

– Этот артефакт был найден нашей экспедицией сорок лет назад, – заговорил главный в этой комнате мужчина. – Расшифровка надписей позволила сделать вывод о том, что кристалл способен перенести в прошлое группу людей. Война к тому времени уже была проиграна, поэтому мы начали искать возможность использовать его, но оказалось, что он связан с недочеловеками.

– Евреи? – поинтересовался кто-то из опытных кураторов. – Но...

– Нет, не всех, – покачал головой главный. – Обнаружилось, что в случае несамостоятельной смерти дар хранителя передаётся по наследству. Кое-что нам удалось, осталось последнее отродье. Оно должно желать умереть, но времени у нас на это немного – стоит ей пройти ритуал в двенадцать лет, и всё будет потеряно – придётся ещё раз искать новых хранителей. Это связано с божествами недочеловеков.

– То есть устроить ад на земле, но из школы должна выйти живой, – заключил все тот же куратор, страшновато ухмыльнувшись. – Можете на нас положиться.

– Если умрёт от инфаркта, тоже плохо, – поправил его главный мужчина. – Проклятье может лечь на всю расу, а я не хочу знать, что оно собой представляет.

Когда кураторы и коменданты вышли из кабинета начальника школы, тот вздохнул. Десятилетиями они шли к этому, и вот наконец впереди замаячил успех, могущий исправить все

ошибки Рейха, чтобы переделать реальность. Эта цель была великой, как Тысячелетний Рейх, и именно она двигала ими все эти годы, не давая отчаиваться и опускать руки.

– Вы проверили, эти предатели из полиции и правительства не имеют возможности узнать о нас? – задал вопрос начальник школы.

– Нет, конечно, – улыбнулся вышедший из темноты человек в сером плаще, с головой, укрытой капюшоном. Лица его видно не было, но улыбка чувствовалась в голосе. – Арийцы имеют гипнотическую установку, а отродья просто не посмеют что-то сказать, особенно после церемонии. Им всего лишь будет очень больно при любой попытке рассказать.

– Замечательно, – кивнул светловолосый мужчина. – Нам ещё не хватало сейчас противостояния с этими... – он скривился, – официальными властями, предавшими арийскую расу. Никакие артефакты не помогут против толпы, как доказали славяне.

– Не беспокойтесь, вождь, – спокойно произнёс некто в длинном, чем-то похожем на рясу плаще, затем сделал шаг назад, исчезая из кабинета.

Возможностей у наследников одной из самых тайных организаций было не так много, как хотелось, но они были. Некоторые эти возможности отлично выдавались за «магию», позволяя изображать процесс обучения отродий, а на самом деле – их ломки. Обучали здесь только «принадлежащих к расе», часто используя как подопытный материал именно «отродий». Немецкое правительство об этих людях не знало, ибо то, чем здесь занимались, в стране было категорически запрещено. Очень уж напугал многих нацизм, но, видимо, до полного искоренения дело не дошло, что было не сильно хорошо. Развитая сеть осведомителей, агенты влияния... Был ли артефакт в действительности в состоянии отправить людей в прошлое, нет ли, – всё-таки неизвестно, но это шанс, шанс, в который «они» поверили и ради которого положили на алтарь уже сотни жизней.

* * *

Для церемонии все были построены на площади перед школой. Ровные ряды преимущественно беловолосых мальчиков и девочек разных возрастов стояли, замерев. Возможно, это выглядело красиво, но Ингрид почему-то было просто страшно. Рядом подрагивала и Эльза – ей тоже было не по себе. Все началось с гимна Германии, под который пели все присутствующие, только первый куплет Ингрид не знала, удивившись этому.

Затем выступил какой-то мужчина, громко поздравив всех с началом учебного года и выразив при этом надежду на то, что все будут дисциплинированными, изучая науку... следующее слово Ингрид опять не поняла: от него веяло какой-то жутью, отчего девочку передёрнуло. Затем начали вызывать по одному, представляя всей школе, при этом называли фамилию, видимо, куратора. Это могла быть женщина или мужчина, девочка связи не поняла.

– Юрген Вагнер! – вперёд, стараясь идти строевым шагом, вышел презрительно смотрящий вокруг мальчик примерно одного с Ингрид возраста.

– Цум бефель!⁷ – воскликнул названный.

– Марта Вилке! – объявили откуда-то сбоку, и с той стороны вышла суровая женщина, поманившая к себе радостно улыбнувшегося мальчика.

– Сюзанна Хофманн! – так же, как и мальчик до неё, девочка печатала шаг. Её белокурые волосы были аккуратно зачёсаны под такой же чёрный берет с каким-то символом на нём. Девочку отправили к мужчине, а вот ту, которая шла за ней, – к женщине.

– Ингрид Мот! – выкрикнули и её. Она попыталась изобразить такой же шаг, как другие, но все вокруг отчего-то громко засмеялись, очень обидно и как-то издевательски, отчего Ингрид сбилась с шага и чуть не упала.

---

⁷ Дословно «перехожу к исполнению приказа», в данном случае – «слушаюсь» (нем.).

– О, юная фройляйн, – хмыкнул тот же голос. – Вас нужно ещё учить даже ходить. Маттиас Вольф!

– Яволь!⁸ – послышалось откуда-то сзади, и на площадь вышел мужчина, выражение лица которого вызвало желание убежать, но девочка понимала, что отсюда не убежишь. По какому-то необъяснимому стечению обстоятельств Эльза попала все к тому же странно улыбавшемуся мужчине.

Затем всех повели в столовую, но Ингрид видела, как хмурится этот загадочный мужчина, глядя на неё, отчего ноги холодели от страха. После довольно скромной трапезы герр Вольф приказал Ингрид и Эльзе следовать за собой. Он шёл молча, но девочкам почему-то было очень страшно. Причина этого страха выяснилась буквально через десять минут. Заведя обеих в длинную и узкую комнату, похожую на ту, в которой очнулась Ингрид, мужчина приказал обеим девочкам полностью раздеться, простимулировав ударами по лицу, когда они замешкались. Что было потом, Ингрид не запомнила – в памяти осталась только очень сильная боль, от которой девочка потеряла сознание, проснувшись утром в своей постели. Почему-то было тяжело садиться и вставать – ноги дрожали и почти не держали, но нужно было двигаться на зарядку. За что ей сделали так больно, Ингрид не поняла, она только надеялась на то, что Эльза осталась в живых.

– Твоя подруга не вышла на зарядку! – произнесла взрослая девушка, брезгливо взглянув на Ингрид. – Ты будешь наказана!

– За что? – переспросила Ингрид, которая совсем уже не понимала, что происходит.

– За то, что ты плохая подруга, – объяснили ей. – А теперь беги!

Услышав утробный рык сзади, девочка оглянулась, увидев какую-то огромную и страшную собаку. Больше похожее на сказочное чудовище животное прыгнуло вперёд, отчего Ингрид завизжала и как могла быстро побежала. Она бежала, не разбирая дороги, страшно было так, что мозг отключился, и только по какому-то счастливому стечению обстоятельств Ингрид не упала во внезапно появившийся на её пути ров. А потом что-то случилось, но что именно, девочка не запомнила, – только то, что её закрутило очень быстро на одном месте и... всё. Ничего не запомнила та, которую когда-то называли *а идише мэйделе*.⁹

---

⁸ Слушаюсь (нем.).

⁹ Еврейская девочка (идиш).

Часть 3

Так прошло четыре дня. Эльза очень виновато смотрела на Ингрид, которой делали больно каждый день, и непонятно за что, а потом всё вдруг прекратилось. К девочкам перестали придираться и даже по лицу не били. Герр Вольф улыбался, глядя на девочек, но его улыбка была фальшивой – Ингрид это очень хорошо чувствовала. Вскоре начались уроки, но были они какими-то странными, хотя создать огонёк в кристалле у неё получилось.

– История ариев. Что это? – удивилась, прочитав название учебника, девочка и открыла книгу.

– Что там? – поинтересовалась Эльза, заглядывая подруге через плечо.

– Странное что-то, – поделилась с ней Ингрид. – Все люди произошли от каких-то ариев, если коротко. Нас совсем иначе в школе учили...

– Лучше молчать и делать, что они говорят, – заметила подруга, у которой при виде герра Вольфа приключалась неприятность. – А то сделают больно.

– Страшная школа... – вздохнула Ингрид, с трудом унимая дрожь в руках.

Они прилежно учились, отвечая на уроках, и их не трогали. Так прошёл месяц, почти стёрший в памяти первые дни, и всё началось заново, но теперь больно могло стать в любой момент. Оказалось, что тонкие палки, которые девочки видели у кураторов, бьют очень больно, особенно по ногам, а Эльзу однажды ударили этой палкой по лицу, чуть не лишив глаза, – по крайней мере, она так думала. Самое главное – непонятно было за что. Впрочем, приглядевшись, Ингрид увидела, что за малейшую провинность или неточность бьют всех.¹⁰ Стало ещё страшнее, хотя девочка думала, что страшнее некуда.

Через две недели наступили короткие каникулы – недельные. Эльза оставалась в замке, а вот Ингрид была отправлена к опекунам под предлогом того, что она не оправдывает доверия, что бы это ни значило. Девочку бросили на пороге дома, напоследок ударив чем-то жгучим по ногам, отчего они задрожали так сильно, что Ингрид не могла на них встать и пролежала на крыльце почти всю ночь. Было очень холодно, но в результате девочка только утром смогла подняться и, держась за стенку, войти в дом.

– Почему ты не сдохла?! – поинтересовался едва увидевший Ингрид Фриц. Такое приветствие ударило больнее хлыста куратора. Ответить девочка не успела – появился господин Карл, схвативший её за шиворот и протаскивший по ступенькам в мансарду, где и бросил как мешок картошки. Ингрид заплакала. Жизнь казалась абсолютно беспросветной, хотелось бежать и спрятаться.

Через несколько часов девочка сумела тихо выскользнуть из дома, потом представила собаку из школы и побежала. Она бежала на железнодорожную станцию, все быстрее и быстрее, задыхаясь, но, добежав до какого-то поезда, просто упала на пол в тамбуре. Двери медленно закрылись, и спустя минуту поезд отправился в путь. Сил шевелиться не было, поэтому Ингрид надеялась только на то, что её никто не увидит. Спустя час и несколько станций девочка сумела подняться. Всё это время она думала только о том, что никому не нужна, совсем никому. Правда, мысль о смерти в юную головку так и не пришла. Ещё через полчаса Ингрид поняла, что должна выйти из поезда и куда-то идти. Девочка, пошатнувшись, выскочила из вагона, но потом шагнула туда, куда её вело какое-то внутреннее чувство.

Она шла долго, по ощущениям – очень долго. Вокруг кипела жизнь, спешили куда-то люди, ехали машины, играли дети. Ингрид вело вперёд какое-то чувство внутри неё, да неясная надежда на лучшее. Полицейский на перекрёстке проводил девочку внимательным взглядом, потом она заметила такой же внимательный взгляд уличной собаки, отчего опять стало

---

¹⁰ В идеологии нацистов дети не должны были бояться боли.

страшно, и девочка побежала изо всех сил к какому-то странному зданию, похожему на церковь, которое украшали шестиконечные звёзды.¹¹ Что-то в душе Ингрид отзывалось на эти символы и буквы рядом с ними.

Внутри обнаружили фрески, свечи, скамьи, на которых сидели, в основном, юноши и мужчины в странных чёрных шапочках. Недалеко от входа стоял мужчина в шляпе; его завитые волосы спускались по обеим сторонам лица из-под головного убора, и он как раз разговаривал с очень старой, по ощущениям девочки, женщиной. «Что я здесь делаю?» – подумала Ингрид, уже решив уйти, когда старушка почему-то обернулась на неё.

– Да это же вылитая Ида! – воскликнула женщина, извинившись перед мужчиной со странным именем Ребе. Она засеменила к девочке, и в этот момент жизнь Ингрид снова переменялась. Ненадолго, но переменялась... – Как зовут тебя?

– Ин-грид... – запнувшись, прошептала девочка, думая о том, что, наверное, нужно убежать, но ей было почему-то все равно.

– Ты знаешь такую фамилию: Пельцер? – поинтересовалась старушка и, увидев отрицательный жест, продолжила спрашивать: – А Мот?

– Это моя фамилия... – проговорила Ингрид, снова испугавшись, но в этот момент мир перед глазами закружился, и стало темно. От всего произошедшего ребёнок потерял сознание, всполошив тех, кто находился в этот час в синагоге.

* * *

– Как так – пропала? – высокий мужчина, одетый в чёрную форму, был очень серьёзен. А вот женщина, которая только что докладывала ему, едва держалась на ногах. Плохих новостей её начальник явно не любил, поэтому она уже почувствовала на себе его неудовольствие.

– Как было установлено... – женщина переждала приступ дурноты, – она покинула дом Бауэров утром, затем приехала на вокзал и исчезла. Мы даже не смогли установить, куда она отправилась.

– Вы бесполезные, никчёмные отбросы! – взорвался беловолосый мужчина. Раздался тонкий свист, которому вторил отчаянный визг женщины. Эти люди не щадили даже своих. – Курт!

– Да, вождь! – в кабинет вошёл молодой мужчина в чёрном, встав по стойке «смирно». При этом вошедший старался не смотреть на окровавленное тело на полу.

– Убрать! – приказал названный вождём. – Искать изо всех сил! Если отродье дотянет до двенадцати лет – всё будет напрасно и придётся начинать заново.

– Слушаюсь! – ответил Курт, затем наклонился и за волосы выволок не подававшее признаков жизни тело из кабинета. Нужно было приложить все силы к розыску отродья, иначе на месте Марты может оказаться и он. Женщине ещё один шанс, видимо, был не положен, раз приказ звучал именно так. Жалко эту бессердечную стерву никому не было.

Отродье исчезло на вокзале, при этом её никто не видел и не слышал, но, судя по артефакту, она жива. Привлекать полицию к поиску было совершенно невозможно, за такую «засветку» умирать пришлось бы очень долго, поэтому – только своими силами, которых не так много, но искать необходимо. Нужно осмотреть все приюты и церкви в радиусе как минимум полусотни километров. Мысль о синагоге в голову Курту, разумеется, не пришла. Тяжело вздохнув, мужчина сел за руль, чтобы принять личное участие в поиске, – к тому же это гарантировало жизнь.

---

¹¹ Синагога.

* * *

Очнувшаяся девочка говорила очень мало, но сильно чего-то боялась. Осмотрев её, врач общины только покачал головой и ушёл из комнаты, чтобы не пугать ребёнка, а с Ингрид осталась какая-то грустно улыбающаяся женщина. Она обнимала заплакавшую девочку, гладила её, отчего плакать хотелось всё сильнее. Никогда не испытывавшая таких ощущений девочка просто не могла успокоиться.

– Ничего, маленькая, всё плохое закончилось, – проговорила незнакомая, но такая добрая женщина. – Можешь называть меня тётя Руфь. Я не знаю, чего ты боишься, но мы не дадим тебя в обиду.

– Они придут и... – тут какая-то странная боль пронизала девочку, отчего та не удержалась, а увидев, что ребёнка буквально выгнуло, Руфь посерьёзнела.

– Не надо, не говори сейчас ничего, – попросила женщина, переодевая девочку. Белья на такой размер у них не было, поэтому пришлось натянуть пока платье ребёнку на голое тело, что ту совсем не беспокоило, и это было ненормально. – Ты голодна?

– Немножко... – тихо ответила Ингрид, не желая обманывать, но и пользоваться доверием тёти Руфь девочка тоже не хотела – вдруг та подумает, что Ингрид плохая девочка?

Руфь молча встала и вышла из комнаты, отчего Ингрид заплакала. Она ощущала себя абсолютно никому не нужной, отчего всё вокруг казалось серым. Но тётя Руфь вскоре вернулась, неся поднос, на котором стояли две тарелки. Оценив дрожание рук ребёнка, женщина вздохнула, приподняла ту на подушках, начав медленно и спокойно кормить с ложечки и рассказывая ошарашенной Ингрид, какая она хорошая девочка. Немецкий перемежался каким-то слегка отличным от него языком,¹² который был Ингрид смутно знаком. Но сейчас девочку купали в ласке, и от этого никогда не испытанного чувства Ингрид просто не знала, что делать.

Пока девочку кормили, пожилой врач делился с ребёнком своими наблюдениями. Ситуация осложнялась тем, что состояние ребёнка очень походило на то, что бывший малолетний узник немецкого концлагеря видел в ту пору, вспоминать о которой совсем не хотелось. Но вот увидеть такие реакции сейчас...

– Её били, били много и почти до шока, – объяснил доктор раввину. – Кроме того, в последнее время, насколько я вижу, ещё и воздействовали электричеством или чем-то подобным – этим объясняется дрожь. Страх у неё очень странный, давно не видел именно такого проявления.

– Как в лагере? – всё понял ребёнок. – Значит, девочку надо или эвакуировать, или спрятать.

– Понимаешь,¹³ ребёнок, – врач попытался сформулировать, но не преуспел, потому сказал, как думал. – Нет сейчас причины так обращаться с ребёнком, а это означает, что они продолжают начатое ранее, то есть девочке чудом только удалось спастись.

– Значит, её ищут? – задумчиво проговорил мужчина. – То есть и полиция, может быть... надо связываться с нашими?¹⁴

– Доказательств у тебя нет, – напомнил ему доктор. – Так что пока спрячь, пусть придёт в себя, а спустя некоторое время посмотрим, что сделать можно.

Ребёнок решил, что укроет девочку ото всех, чтобы суметь понять, что именно происходит. Для этого необходимо связаться с Израилем. Пока же нужно было массировать, успокаивать и убеждать малыша, что она в безопасности. Приняв решение, раввин отправился к девочке, которую как раз докормили. Что-то беспокоило мужчину, что-то связанное с фами-

---

¹² Идиш и немецкий очень похожи. Иногда идиш принимают за диалект немецкого, но девочка такого слова не знает.

¹³ В традиции, что на идиш, что на иврите, обращение друг к другу на «ты».

¹⁴ Сохнут или/и консульство государства Израиль.

лией ребёнка, но вот понять он пока не мог, поэтому присел на кровать девочки, улыбнувшись ей.

Почему-то улыбка мужчины совсем не была фальшивой. Он был добрым, отчего этого странного мужчину по имени Ребе хотелось обнять, но Ингрид не посмела. А дядя улыбнулся ей и начал рассказывать какие-то очень необычные вещи, девочка даже подумала, что уже умерла и ей всё это только кажется или даже снится.

– Ты останешься здесь, – твёрдо произнес раввин. – Мы сумеем спрятать и защитить тебя.

– А... ну... они... – боясь возвращения боли, Ингрид сжалась, но ребе погладил уже испугавшегося ребёнка.

– Никакие «они» тебя здесь не найдут, – мужчина был очень убедительным, да и девочке хотелось поверить. – Ты здесь в безопасности.

– Спасибо... – прошептала Ингрид и вдруг широко зевнула.

– Спи, малышка, – погладила её мягкая рука какого-то необыкновенно доброго мужчины, так непохожего на тех... *чёрных*.

Тетя Руфь села рядом с постелью девочки, глядя её и напевая колыбельную на идише. Ребе кивнул и вышел: нужно было организовать общину. Ситуация была не самой простой, раввин это хорошо понимал; кроме того, необходимо связаться с консульством. Еврейская девочка в таком состоянии, как наблюдалось много-много лет назад, не могла не вызывать серьёзных вопросов. Идеально было бы переправить её в Израиль, но для этого надо выяснить – кто она и откуда.

– Хаверим,¹⁵ – обратился раввин к собравшимся по его приглашению мужчинам общины. – У нас очень сложная ситуация. Синагога даёт приют еврейской девочке, которую явно мучили по неизвестной пока причине. Ни о чём рассказать ребёнок ещё не может, поэтому нужно выяснить что-то кроме фамилии. Где жила, с кем, кто родители...

– Мы выясним, ребе, – серьёзный мужчина с карими глазами и присыпанными сединой волосами серьёзно кивнул.

– Девочка называет себя Ингрид Мот, – пояснил ребе. – Её бабушка звалась Ида Пельцер, и это, пожалуй, всё, что нам известно. Ребёнок чего-то боится, кроме того, пытки, к ней применённые, уважаемый Самуил классифицировал как знакомые ему с детства.

– Значит... – кто-то протяжно свистнул. Все они понимали, что это значит. Теперь посерьёзнели уже все присутствующие, понимая, почему правительству и полиции в таком случае веры нет и быть не может.

Еврейская община небольшого города выясняла, что произошло с девочкой, а та сладко спала, наслаждаясь лаской, попробованной впервые в жизни. В мягкой кровати спала *а идише мэйделе*.¹⁶

---

¹⁵ Друзья (ивр.).

¹⁶ Еврейская девочка (идиш).

Часть 4

Пока маленькая ещё девочка осторожно училась доверять окружающим её людям, община работала. Жители разных городов федеральной земли,¹⁷ в которой находилась синагога, служили в различных ведомствах, поэтому им удалось установить историю ребёнка. Странностей было очень много, причём странностей, позволявших начать и официальное расследование, но...

– Нам удалось установить, что ребёнок практически нигде не зарегистрирован, – пожилой мужчина, одетый в строгий костюм, в расшитой бисером кипе, венчавшей голову, рассказывал ребе то, что получилось выяснить. – Ни медицинская страховка, ни социальные службы, ни врачи. Единственное – школа, и всё. Причём школа не запрашивала никого из тех, кого должна была. Опрашивать подробнее мы не рискнули.

– Это правильно, Лев, – кивнул раввин, пытаясь понять, как это смогли организовать. Выглядело чуть ли не правительственной операцией, но для таких вещей должны быть причины, а вот причины были неясны.

– Далее. Девочку ищут, и ищут плотно, но неофициально, – сообщил Лев Корлиц, работавший в органах, как раз детьми и занимавшихся. – Да и у нас странные шевеления.

– А что известно по её семье? – поинтересовалась ребецин, которой девочка с разноцветными глазами понравилась, несмотря на то что была очень тихой и заботливой...

– Симха сумела выяснить немного, – пожилой мужчина покачал головой. – Бабушка ребёнка – Ида Пельцер, происхождением откуда-то из России,¹⁸ вышла замуж за Андреаса Мота, от брака родилась опять же девочка, но тут начинаются странности. Документов на Андреаса не обнаружено, а что касается детей – бумаги противоречивы. В одних – детей было двое, а в других – один. Мы склонны доверять тем, которые говорят об одном ребёнке.

– По какой причине? – поинтересовался ребе, которому было очень не по себе. – Эта девочка, да и её семья, была чем-то важна, но чем?

– Роддом, семейный врач, начальная школа, – спокойно перечислил Лев, заставив ребецин кивнуть. – Пересечением получаем, что вторая девочка возникла из воздуха в двенадцатилетнем возрасте. Тут бы уже подключать власти, но...

– Я вас понимаю, – женщина кивнула, считая, что подобное без прикрытия маловероятно. Возможно, конечно, но...

– А вот почему, мы ответить пока не в состоянии, – вздохнул пожилой мужчина, задумчиво посмотрев в окно. – Здесь какая-то загадка, учитывая очень странные смерти всех членов семьи. Я бы сказал, загадочные смерти. Вот, например, мама девочки была объявлена в розыск и обнаружена мёртвой.

– Украли? – поинтересовался ребе, но Лев поднял взгляд, и раввину стало вдруг холодно.

– Женщина двадцати четырёх лет была замучена до смерти, – тихо произнёс тот, отчего вздрогнули все находившиеся в комнате. – При этом дело засекречено, потому даже характер повреждений неизвестен, но кто-то говорил, судя по газетам того времени, о применении электричества.

Члены общины пытались разузнать о девочке, когда Ингрид рассказала об Эльзе. Задач прибавилось, потому что работавший в полицейском управлении Зеёв Кац поднял дела о

---

¹⁷ Федеральные земли – административно-территориальные образования, входящие в состав государства на федеративных началах. Имеют свои конституции, выборные законодательные органы (ландтаги), правительства, судебные органы, которые пользуются определенной автономией в вопросах внутренней организации и местного самоуправления при широких полномочиях во всех основных сферах государственного управления и законодательства федеральных органов.

¹⁸ Имеется в виду Советский Союз.

загадочных смертях за последние десять лет, попытавшись понять, не объединяет ли их что-нибудь. Эта информация могла бы пролить свет на то, почему ради этой девочки задействованы такие ресурсы. Пока, впрочем, мужчина работал, уже обнаружив общие элементы дел. Ребе все чаще ловил себя на мысли, что следует связаться с консульством, чтобы хотя бы поделиться имеющейся информацией.

А Ингрид обживалась, неожиданно даже для самой себя потянувшись к Нему. Девочка изучала идиш, на котором говорили многие здесь, и изучение пошло на удивление легко. Она будто вспоминала, без сомнения, родной язык, очень скоро начав говорить на нём, не скатываясь в немецкий диалект. С письмом было немного сложнее, но Ингрид справлялась при помощи женщин общины.

Девочка заметила – когда она обращается к Нему, на душе становится легче и появляется ощущение какой-то общности, как будто она не одна, как будто с нею рядом – весь народ, поэтому она много времени проводила с сидуром,¹⁹ ну и ещё старалась помочь по хозяйству. В синагоге и вокруг неё дел было достаточно для всех, отчего малышка оставалась наедине со своими мыслями только вечером, но вечером ей рассказывали сказки, согревая, отчего Ингрид медленно оттаивала, забывая весь пережитый ужас. Вот только при попытке о нём рассказать начинались судороги, и становилось так больно, что потом приходилось менять одежду. Врачи лишь разводили руками.

– Значит, Бауэры ей не родственники? – вчиталась в бумагу ребецин. – Симха, как так вышло?

– Ты знаешь, Рахель... Я сама не понимаю, – ответила ей седая женщина, одетая в длинное светлое платье. Взгляд нестарой ещё, но полностью седой дамы был твёрдым, он будто пронизывал собеседника насквозь. – Все её родственники погибли так или иначе, чаще всего загадочно, а вот откуда взялись Бауэры, совершенно неясно. Тут нужно идти официальным путем, но именно он для нас пока закрыт, – я правильно понимаю?

– На сегодняшний день – да, – кивнула жена раввина, пытаясь уложить всю информацию в одну картину, что у неё не получалось.

– Тогда пока будем работать неофициально, – Симхе эта идея не нравилась, но и рисковать жизнью ребёнка она не хотела.

Не хотели рисковать жизнью ребёнка и другие члены общины, отлично понимая, что недобитые нацисты, судя по регулярно появлявшейся информации, ещё где-то прячутся. Чем для них может быть опасен маленький ребёнок, чем? А может, это не нацисты? Кто же тогда?

* * *

Ингрид нравилось среди евреев. Особенно приятно оказалось осознавать себя частью чего-то большего – целого народа. Она уже не была одна. Женщины общины начали называть девочку Ита – это еврейское имя, и оно ей пришлось по душе, гораздо больше, чем грубое Ингрид. Часто её называли «девочкой», что на идиш звучало очень ласково – мэйделе. Когда её так называли, хотелось улыбаться.

А ещё Ита говорила с Ним... Молитва успокаивала, будто вымывая из памяти всё плохое, что было в ней, отчего становилось очень спокойно на душе, – правда, только в синагоге, где девочка уже свободно ориентировалась. Выходить за пределы здания она ещё очень боялась, поэтому вопрос посещения школы повис в воздухе. Сначала нужны были документы. Несмотря на то, что опека детей синагогой считалась ушедшей в прошлое, закон это позволял,

---

¹⁹ Молитвенник в иудаизме.

но сейчас оформление документов было затруднено в связи с решением врача. На счастье Иты, в Германии мнение врача было почти непререкаемым.²⁰

– Нельзя её регистрировать под фамилией Пельцер, – заметила ребенит. – Если охотились на семью, это может поставить её под удар.

– Нельзя – не будем, – пожал плечами ребе. Документами занимались очень специальные люди, заинтересовавшиеся историей и реакциями ребёнка.

Связаться с консульством ребе убедила информация Зеёва из полицейского управления. По его данным, за последние десять лет так или иначе исчезло более двадцати человек, найденных потом мёртвыми, все дети и все с очень характерными травмами на теле. Дела же по какой-то причине значились сданными в архив, хотя и не содержали формальных признаков расследования, что для Германии было очень неправильно и намекало на прикрытие деятельности неизвестных. Однако именно такая статистика позволила забить тревогу, отчего кто-то решил разобраться в проблеме.

– Я предлагаю сделать так, учитывая, что официально её не ищут, – предложил пожилой мужчина в характерной вышитой бисером кипе.²¹ – Записываем ее семилетней, оставшейся без родителей, внешне похожа, при этом какую-нибудь инвалидность придумаем. Имя – Ита Кац, например. Это уведет от неё подозрения, потому что, во-первых, она тогда никого интересовать не будет, а во-вторых, просто выпадет из сети поиска по возрасту.

– У тебя проблем не будет? – поинтересовался ребе. – Это же не слишком законно?

– Понимаешь, ребе, – вздохнул Лев, почесав лоб указательным пальцем. – Ситуация очень непростая, а для прикрытия возможных свидетелей преступлений у того же Зеёва есть много возможностей, вот мы их и используем.

– То есть ни слова лжи, – хмыкнул раввин, принимая план действий.

Единственное, что могло бы выдать девочку – её глаза, но с этим тоже можно было поработать. Пока же медики написали что-то не самое приятное в бумагах, из которых следовало, что девочка находится на больничном, чтобы иметь возможность в будущем посещать детский коллектив. А так как по отметкам в документах²² можно было сделать вывод о вмешательстве полиции, то все были спокойны – им виднее. Различные органы не дёргались, документы, касающиеся опеки, были оформлены буквально сразу, отчего ребенин успокоенно выдохнула, а девочка жила...

Ите, с удовольствием забывшей имя Ингрид, очень нравились праздничные ритуалы, девочка расцветала, она будто действительно стала младше психологически, хотя росла очень хорошо на правильном питании, за чем следили женщины общины под предводительством ребенин. Молитвы дарили спокойствие и ощущение того, что всё происходящее – правильно, а тепло женщин общины позволяло забывать плохое.

– Нужно зажечь свечу, потом закрыть ладонью глаза и проговорить благословение, – учила её ребенин, улыбаясь. Девочка вместе со всеми женщинами зажигала субботние свечи.²³ – Главное, делать это с чистым сердцем, с радостью, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Ита, потянувшись к свече, сразу же зажёгшейся от щепочки. Проговорив благословение, девочка открыла глаза, заглянув в лицо женщины, будто спрашивая: «Я справилась? Я хорошая девочка?»

– Ты умница, мэйделе, – погладила её в ответ Рахель. Всё чаще девочку, выглядевшую таким ребёнком, звали просто «девочка», но это безличное именование не обижало, а дарило какое-то внутреннее тепло. Ита чувствовала себя хорошей, нужной, важной. Каждый день она

---

²⁰ И до сих пор является.

²¹ Головной убор мужчин, носимый постоянно, в иудаизме.

²² В ФРГ на каждого ребёнка существуют десятки документов в различных службах. Здесь имеются в виду межведомственные.

²³ Зажигание субботних свечей – привилегия женщин.

чувствовала это, всё чаще улыбаясь, всё реже вскакивая от ночных кошмаров, а община искала ответ на вопрос – кто и зачем убивает еврейских детей.

Пришла весна, а с ней и Пурим – праздник в память о спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии, от истребления Аманом-амаликитянином, как объяснили Ите. Ну, сначала был пост Эстер, когда нельзя вкушать пищу, но Иты это правило не касалось, потому что она ребёнок. Тем не менее девочка решила провести этот день вместе со всеми, поэтому её поили бульоном, чтобы ей не стало плохо. Иногда Ита упиралась, и переубедить её было совершенно невозможно. После поста был весёлый праздник с карнавалом и чем-то вроде концерта для детей. Десятки детей собрались, и Ита шагнула к ним. Как ни странно, её сразу же приняли в свой круг, отчего стало так радостно, так весело, что девочка весь день и не запомнила. В этот день ребе говорил немного иначе, и ещё была молитва «Мегилат Эстер», показавшаяся Ите очень красивой, но детский праздник, конечно, сделал девочку счастливой. Спустя месяц или около того наступил Песах...²⁴

* * *

В самом конце мая наступил этот день. *День Памяти*. Ита не знала ничего об этом дне, но женщины общины рассказали девочке, что это память об убитых евреях. Ещё его называли Днём Катастрофы. Ребецин усадила большую уже девочку к себе на колени и принялась рассказывать о том, как одни люди убивали других людей только за то, что они есть.

Все в этот день были понурыми и очень грустными. А потом, уже после службы, ребе показывал на большом экране кадры из старых фильмов, называвшихся «кинохроника». Младших детей не пускали, потому что там было слишком страшно, но Ита, зная все закоулки в синагоге, пробралась в зал и, усевшись почти у самого экрана, принялась смотреть и слушать.

– Концентрационные лагеря, газовые камеры, расстрелы... – на экране были показаны люди – почти скелеты, смотревшие, казалось, с немым вопросом: «За что?»

– Внешне такие же люди, как и мы, они... – взгляд девочки прикипел к одной фотографии, крупно показывавшейся на экране. Там был кто-то, очень похожий на герра Вольфа.

– А-а-а-а! – от нестерпимой боли закричала Ита, упав на пол. Девочку били судороги, отчего показ остановили, но Лев, уже знавший, на что так реагирует ребёнок, взгляделся в демонстрировавшуюся последней фотографию, на которой был запечатлен эсэсовец с хлыстом, замахивавшийся на кого-то.

В себя Ита пришла уже в кровати. Она прерывисто дышала, с ужасом глядя вокруг. Девочке казалось, что сейчас в комнату войдёт герр Вольф, и тогда... Но всё было спокойно, её гладила ребецин, уговаривая успокоиться. Иту быстро осмотрел врач, дав какую-то микстуру в стаканчике, отчего глаза начали вскоре закрываться.

Рахель, грустно улыбаясь, гладила испытывавшую много страшного в своей жизни девочку. Спокойно спавшую благодаря лекарству *а идише мэйделе*.²⁵

---

²⁴ Пасха в иудаизме.

²⁵ Еврейская девочка (идиш).

Часть 5

Уже понявшие, что именно ищут, очень специальные люди, прибывшие из далёкой страны, активизировали поиски, но пока результата не было, а время шло. Пролетело лето, началась осень, и Ита пошла в школу. Её охраняли, конечно: двое из тех самых людей сопровождали девочку по дороге в школу и из школы, но ничего не происходило, как не давали результата и поиски.

Едва удалось что-то нащупать, как девочка пропала. Возвращаясь из школы, Ита бесследно исчезла. Это был обычный пятничный день, синагога готовилась к празднованию субботы, давно должна была вернуться девочка, но её не было. Забеспокоившийся ребе уже поднял трубку, когда в синагогу вошли полицейские. Сердце ребечин, ждавшей девочку, ёкнуло. Она поднялась навстречу сотрудникам полиции.

– Чем мы можем вам помочь? – спросила женщина.

– Скажите, Ита Кац вернулась из школы? – поинтересовался старший из полицейских, на что женщина покачала головой.

– Что случилось? – заволновалась она.

– Неподалеку от школы обнаружен автомобиль с двумя мёртвыми мужчинами, – ответил второй полицейский. – Насколько нам известно, они сопровождали вашу...

– Дочь, – закончила за него ребечин, сердце которой ныло от предчувствия катастрофы. – Я могу их увидеть?

Девочку объявили в розыск немедленно, полиция, подстёгнутая чуть ли не из Берлина,²⁶ принялась рыть землю, но всё было без толку – от девочки не осталось и следа, она просто исчезла. Никто её не видел, никто ничего не слышал. Специальных людей стало значительно больше, а державшаяся за сердце Рахель каждый день боялась услышать, что их мэйделе нашли мёртвой.

Зеёв доложил о своей находке прямо в Берлин, как и о сделанных выводах, на что там схватились за голову. После той войны на подобные вещи реагировали сразу, потому дело взяли на контроль на самом верху, но только спустя почти месяц удалось обнаружить и «школу», и... нацистов, наследников давно запрещённой организации. Комплекс зданий был окружён полицейскими подразделениями, выявившими такое, что кровь стыла в жилах, но так и не нашедшими Иту Кац.

– Она... они её... а она – бух, и всё... – это рассказала обнаруженная в подвалах почти замученная девочка. Что она имела в виду, установить не удалось. Седой ребёнок сошёл с ума. Шум поднялся от земли до неба, ибо такие вещи в Германии так просто с рук не сходили, а тут ещё и вполне законные требования Государства Израиль... Но девочки нигде не было, она будто провалилась сквозь землю.

Для Иты всё произошло внезапно. Школьный день закончился очень радостно, ведь она получила целую единицу,²⁷ что несказанно радовало почти одиннадцатилетнюю девочку. Её, как всегда, встретили, как всегда, посадили в машину, сразу же двинувшуюся с места, а потом вдруг что-то затрещало, кто-то очень страшный рванул дверь автомобиля, и последним, что услышала Ита, было какое-то шипение, после которого всё померкло.

Очнулась девочка совершенно обнажённой и привязанной за руки к потолку, отчего могла стоять только на цыпочках. Некоторое время никто не приходил, Ита слышала только «кап-кап-кап» и время от времени чьи-то дикие крики, отчего стало ещё страшнее.

---

²⁶ Столица Германии в этой реальности – Берлин.

²⁷ В Германии единица – хорошая оценка, а пятерка – плохая.

Наконец дверь резко раскрылась, и в камеру вошел герой кошмаров девочки – герр Вольф. Он выглядел очень злым, сразу же замахнувшись на Иту. Стало очень-очень больно, девочка кричала, срывая голос, но становилось только больнее. И сквозь эту боль прорывались слова...

– Недочеловек! Омерзительная грязь! – доносилось до бьющейся от боли девочки. – Ты заплатишь за всё! – в этот момент мир померк.

Очнулась Ита все в той же позе, только тело сильно болело, ещё казалось, что по нему что-то течёт. Губы девочки зашептали молитву, представлялось, что всё произошедшее не более чем сон. Подняв голову, Ита увидела Эльзу, которая висела в такой же позе, но та девочка была... Чёрные волосы Эльзы сменили свой цвет, став совсем серыми.

– Эльза! Эльза! Что происходит, где мы? – прохрипела сорванным горлом Ита.

– Мы в школе, – просипела седая девочка, её голос не выражал ничего. – Мы недочеловеки, за это нас надо медленно убить.

– Нет! Нет! – попыталась крикнуть когда-то Ингрид, но закашлялась, а потом дверь ещё раз раскрылась, и опять стало больно. Девочка уже не могла кричать, она хрипела, хрипела, задыхаясь от ужаса, а где-то вдалеке наливался ярким белым светом артефакт.

– Ты сдохнешь даже не тогда, когда захочешь, – прошипел в задранное лицо девочки герр Вольф, на человека совсем не похожий, – а когда я тебе позволю это сделать!

И снова накатывала сводившая с ума боль. Их не кормили и почти не поили, но Ита уже потеряла счет времени, плавая просто в океане боли. Что и зачем с ней делают, она не понимала, молясь Ему каждый момент, когда была в сознании и не кричала от невыразимой муки. Девочка дрожала, но продолжала шептать молитвы. Наконец что-то случилось – по крайней мере, Ингрид это почувствовала.

– Тебя ищут, – усмехнулся мучитель. – Но они не успеют, ты сдохнешь прямо сейчас!

Герр Вольф опять сделал очень больно где-то на груди, а потом девочка увидела раскалённый прут, придвигающийся к ней. Мужчина будто получал удовольствие от ужаса ребёнка, медленно, очень медленно приближаясь к ней. Губы Ингрид, понявшей, что скоро – всё, дошептали видуи²⁸ и принялись за ту молитву, с которой евреи приходят и уходят... «Слушай, Израиль!»²⁹

В этот момент всё и случилось. Где-то в неведомой дали вспыхнул белым пламенем кристалл, с громким хлопком исчезнув из реальности, что заставило взвыть сирены тревоги в оцепленном хранилище, а Ита так же внезапно исчезла, но при этом звук был как от небольшого взрыва. Палача откинуло от ребёнка, в результате чего тот упал на острый угол перевернувшейся и засыпавшей его горячими углями жаровни, а раскалённый прут шлёпнулся на пол всего в дюйме или двух от Эльзы.

Последним, что слышала Ингрид перед тем, как погрузиться в беспамятство, был детский крик. Какая-то девочка, надрываясь, кричала на сразу же распознанном идише:

– Маме! Маме!³⁰ Тут мэйделе,³¹ совсем узгибитене!³² – И этот крик наложился на молитву «Шма»,³³ с которой готовилось уйти совсем ещё юное создание...

Эльзу освободили через несколько часов, но всего пережитого седоволосая девочка не вынесла, сойдя с ума. Немецким властям ещё предстояло перевоспитывать «истинных арий-

---

²⁸ Молитва, представляющая собой признание грехов и просьбу о прощении. В том числе читается и перед смертью.

²⁹ Молитва «Шма», читается несколько раз в день, в том числе в час рождения и смерти, часто – самим умирающим.

³⁰ Мама! Мама! (идиш).

³¹ Девочка (идиш).

³² Замученная (идиш).

³³ Молитва «Шма», читается несколько раз в день, в том числе в час рождения и смерти, часто – самим умирающим.

цев», многие из которых были замараны в убийствах, да объяснять журналистам, как такое вообще могло быть возможно в демократической Германии.

* * *

Циля Пельцер была женщиной дородной, внимательной, никогда не отказывавшейся помочь и поскандальить. У женщины подрастали двое детей: мальчик Йося и девочка Ривка, мамини солнышки и радости. Девочка в свои одиннадцать уже хорошо помогала по дому, а Йося учился на одни пятёрки, куда не надо не лазил и вообще был хорошим мальчиком, хотя силой пошёл непонятно в кого, – по крайней мере, муж Циля, Изя, не признавался, но за сына радовался.

В этот вечер Циля чистила картошку, потому что сын принёс свежепойманную рыбу, которую надо было приготовить к приходу мужа с работы. Изя служил доктором в больнице, работая часто допоздна, но зарабатывал хорошо, что позволяло самой Циле заниматься хозяйством и детьми. Дети были пионерами, поэтому часто засиживались в школе, но Циля, чётко чувствуя, откуда ветер дует, не возражала. Йося сейчас сидел, делая уроки, а Ривка, давно закончив со своими, помыкалась вокруг мамы, но той помощь ещё не требовалась, потому, ища, чем себя занять, девочка отправилась на задний двор, откуда и прибежала в совершеннейшем ужасе.

– Мама! Мама! Там девочка лежит, вся замученная! – закричала Ривка, даже не проверившая, жива ли девочка.

– Ой-вей!³⁴ – отреагировала Циля, бросив нож и недочищенную картофелину, ибо ситуация явно обычной не была. Это не соседские мальчишки, залезшие через забор за яблоком, которого для них не жалко; «замученная» могло означать что угодно. – Покажи маме, – попросила она дочку, чуть ли не бегом отправляясь за ней.

На траве лежала девочка. Одежды на ней совсем не было, к тому же ребёнок, похоже, ещё и обгорел. Циля всплеснула руками, осторожно наклоняясь к девочке. Тут губы ребёнка шевельнулись, явно с трудом проталкивая слова. Слова были женщине, разумеется, известны, потому что это была молитва. Перед Цилей лежала еврейская девочка – вряд ли кто-то ещё знал эту молитву.

– Ривка! – осторожно беря на руки явно подвергавшееся пыткам тело, Циля решила отнести ребёнка в дом. – В темпе вальса³⁵ к папе в больницу! Расскажи за девочку и что тому, кто это сотворил, я сделаю бледный вид и розовые щёчки³⁶! Она ж как только что из Валиховского³⁷ переулка! Пусть бежит сюда мелким шагом³⁸!

– Да, мамочка! – кивнула Ривка, беря с места в карьер.

– Йося! Йося! Ты где? – громогласно поинтересовалась Циля, неся найденного ребёнка в дом. – Ноги в руки, и я тебя не вижу, но чтобы здесь был дядя Сёма, и как за водкой³⁹!

– Да, мамочка, – не стал рассуждать Иосиф, видевший, кого мама несёт на руках.

Уложив девочку на кровать, Циля вздохнула. Ребёнок, казалось, был без сознания, только губы шевелились. Женщина подумала, что раз девочка не зовет маму или папу, а шепчет молитву, то, скорее всего, злые люди убили всех, возможно даже на её глазах. Когда Циля уже думала накрыть простынёй найденную девочку, в дом вошел Сёма Лившиц, работавший

---

³⁴ Фраза на идише, выражающая боль, недовольство, тревогу, раздражение, горе.

³⁵ Очень быстро (одес. жарг.).

³⁶ То есть в морг не возьмут из эстетических соображений (одес. жарг.).

³⁷ В то время там располагался морг.

³⁸ Быстро (одес. жарг.).

³⁹ Быстро и в полной готовности (одес. жарг.).

в милиции. Улыбчивый высокий молодой человек, в котором было трудно признать еврея, в милицейской форме выглядел импозантно, по мнению Цили.

– Таки шо страпилось⁴⁰? – поинтересовался милиционер, воткнув взгляд в женщину.

– Кинь брови на лоб,⁴¹ Сёма, – отозвалась Циля. – Гляди, что Ривка у нас на заднем дворе нашла!

– Что она шепчет? – спросил Сёма будто самого себя, наклоняясь к найденному ребёнку.

– Это молитва, Сёма, – грустно ответила ему женщина. – Так уходят... – она нежно погладила девочку, отчего та открыла глаза. Глядя в разноцветные, такие же, как у самой Цили, глаза, женщина охнула.

– Она таки такая же, – задумчиво отозвался Йося, видимо, от волнения перейдя на идиш. – Ты кто, девочка?

– А... И... Пе... – попыталась произнести почти замученная девочка, но не смогла. Широко раскрытые глаза наполнились ужасом.

– Тише, тише, – всё поняла Циля, продолжая гладить так похожую на неё незнакомку. – Мы все решим. Твоя фамилия Пельцер? – вдруг спросила женщина, и девочка медленно кивнула, заставляя Цилю переглянуться с Семёном.

– Шо тут у вас? – запыхавшийся Изя был не сильно рад, хотя и понимал, что так просто его с работы не дёрнули бы. В этот момент он увидел ребёнка. – На минуточку...⁴²

– Не кидай брови на лоб,⁴³ Изя! – сразу же отреагировала его супруга. – Помоги ребёнку!

Молча кивнув, доктор посерьёзnel, что-то показав Циле, приподнявшей ребёнка. Девочку явно не кормили, похоже, сильно избили чем-то вроде кнута и, по-видимому, резали ножом или чем-то подобным. Выглядевшая малышкой, она сейчас не могла говорить, только шептала едва слышно слова молитвы, а из её глаз текли слёзы. Доктор подумал о госпитализации, но Циля, видя отчаяние в глазах *а идише мэйделе*,⁴⁴ твёрдо произнесла:

– Не дам! Здесь лечи! – она была абсолютно уверена, что девочка просто не перенесёт больницы. – Сама её выхожу!

– Циля, – Сёма вздохнул. Характер женщины он знал и пустыми надеждами себя не тешил. – Записать её как?

– Она хорошая, мама, – тихо произнесла Ривка, вернувшаяся с отцом, потянувшись к незнакомке. – Будет мне сестрой...

– Хорошая? – переспросила Циля. – Сёма, пиши: Гита⁴⁵ Пельцер, моя дочь!

– Ша, ша, я всё понял, – поднял руки милиционер. – Возражений не имею, сходство на лице.

А не понявшая и половины Ингрид лежала и смотрела широко раскрытыми глазами на ту, что назвала её сестрой. В это просто не верилось, все происходившее было абсолютно невозможно, по мнению девочки, но оно происходило, а ещё... Ещё мягкая тёплая рука новой мамы гладила по голове новопоименованную Гиту Пельцер, правда, Ингрид это только предстояло ещё узнать. Узнать, что отныне и навсегда она *а идише мэйделе*.⁴⁶

⁴⁰ Что случилось (одес. жарг.)

⁴¹ Удивись (одес. жарг.).

⁴² Ничего себе (одес. жарг.).

⁴³ Не удивляйся, не трать время на удивление (одес. жарг.).

⁴⁴ Еврейской девочки (идиш).

⁴⁵ Еврейское женское имя, «хорошая» на идиш.

⁴⁶ Еврейская девочка (идиш).

Часть 6

Имя «Гита» Ингрид нравилось больше, чем её собственное, даже чем данное в синагоге имя Ита, – оно было таким тёплым, будто подчёркивая тот факт, что она хорошая девочка. У неё появилась... Мама... и Папа... Именно так, с большой буквы, особенно Мама, выхаживавшая девочку, носившая её, кормившая, иногда насильно, сама делавшая уколы... А ещё – сестрёнка и братик. Идиш Гиты был воспринят родным языком, что подтверждало версию о побеге от румын,⁴⁷ поэтому девочка не возражала, а учила русский язык. Теперь она жила в советском городе Одессе.

Чуть погодя девочка узнала, что на дворе тысяча девятьсот тридцать третий год, – то есть ещё чуть больше сорока лет до её рождения – но постаралась не выдать своего счастья. Этих *чёрных* здесь не было, по крайней мере, девочка никого в специфической униформе не видела, отчего чувствовала себя освобождённой, несмотря на то что соседи поговаривали о голоде. Кушать дома всегда было, поэтому никакого голода девочка не заметила.⁴⁸

Гита начала больше улыбаться, а Ривка – так звали сестру – сидела с ней, помогая с русским. Девочка принесла свои учебники и занималась с новой сестричкой. Это было очень интересно и тепло, хотя поначалу Гита очень утомлялась, но проходили недели, и вскоре... Девочка постепенно вливалась в ритм, убедившись в том, что те, *чёрные*, до неё не доберутся, потому что её с ними разделяет не только расстояние, но и время. Постепенно входя в темп жизни, Гита чувствовала, что постоянная раньше усталость отступает. Только страшно было очень, поэтому поначалу девочка мужчин сильно боялась, но здесь никто не ходил в чёрной униформе, и Гита потихоньку оттаяла.

Мама буквально укутывала теплом девочку, сумевшую рассказать о себе. Гита поведала о погибших родителях, потом об опекунах, страшной «школе» и даже о пытках. Цили слушала о том, как румыны заключили совсем юную девочку в тюрьму, чтобы мучить её за то, что она еврейка. Именно в таком виде женщина рассказала историю своей родственницы, а теперь и дочери, в НКВД.⁴⁹ Правда, подозревать в чём-то всего и всех боявшуюся девочку не стали, довольно быстро оформив ей документы.⁵⁰

– Гита, – строго сказала Мама, вызвав реакцию испуга в глазах ребёнка, отчего только вздохнула и покачала головой, – слушай здесь: скоро ты пойдёшь в школу. Никого там не бойся, если что, мама всем сделает бледный вид.

– Хорошо, Мамочка, – то, как девочка произносила это слово, вызывало тихий всхлип у Ривки, иногда думавшей, что недостаточно любит маму. – А можно я помогать буду?

– Можно, – улыбнулась женщина, вполне понимая свою Гиту, ведь это было нормой. – Только немного, ты ещё слишком слаба.

– Ура... – прошептала Гита, которую второй раз в жизни купали в тепле, но там были женщины общины, а здесь – полностью принявшая её Мама. Ощущать это было необыкновенно, а тот факт, что нет и не может быть чёрных страшных мучителей, позволял отпускать себя, наслаждаясь новой жизнью.

Конечно же, Гита хотела сделать всё для того, чтобы отблагодарить Маму, поэтому Циле приходилось притормаживать дочку, чтобы она не перенапряглась. Изе не очень нравилось сердце девочки, поэтому Гиту берегли, стараясь не напрягать сверх меры, по мнению Мамы.

⁴⁷ Отсутствие понимания украинского и/или русского.

⁴⁸ Индивидуальное восприятие ребёнка никак не влияет на происходящее вокруг. Или не происходящее.

⁴⁹ Народный Комиссариат Внутренних Дел.

⁵⁰ Несмотря даже на альтернативность мира, такие факты истории известны.

Постепенно девочка заражала своим отношением брата и сестру, отчего те начинали также боготворить Цилю.

– Гита! Иди сюда! – С девочкой было проще договориться на идише, потому что в русском она ещё плавала, но интенсивные занятия сказывались. Циля решила сегодня сходить с ребёнком в синагогу.

– Да, Мамочка! – сразу же отложив все свои дела, Гита подбежала к той, кто олицетворял для неё почти Всевышнего.

– Пойдём, доченька, – улыбнулась женщина. Девочка была такой милой и послушной, что не любить её было просто невозможно.

Ривка с Йосей были в школе, поэтому можно было сходить вдвоём. Гита абсолютно доверяла Маме и не спрашивала, куда та её ведёт. Иногда Циля думала, что дочка пойдёт с ней куда угодно, не задумываясь, что было, конечно, не очень просто для восприятия, но тут уже ничего поделать было нельзя, такой уж была Гита – буквально боготворившая женщину дочь.

Платья Ривки подходили и Гите, поэтому сестра, конечно же, поделилась с девочкой, у которой не было пока ничего. Это значило, что надо ещё зайти на Привоз, где купить можно было что угодно – даже то, за что совсем недавно сажали, но голодное время отступило, и жить стало проще. Девочке много чего было нужно; Гита же, несмотря на то что немного опасалась людей, тем не менее абсолютно доверяла Маме, и это доверие читалось в каждом её жесте.

Трамвай Гиту поразил, она во все глаза смотрела на вагончик, но при этом ухватилась за Маму. Циля сдержанно улыбалась, крепко держа дочь за руку. Разговаривала Гита мало, но люди как будто что-то чувствовали, пропуская женщину и державшуюся за неё девочку с испуганным взглядом. Так они доехали до синагоги, увидев звёзды на которой, Гита сразу же заулыбалась, будто узнав старого знакомого, что всё сказало Циля, а потом внутри девочка подошла к стойкам с книгами, мягко и почти нежно погладив их.

– Кто эта милая девочка? – поинтересовался ребе, но Гита его совсем не испугалась. Увидев знакомо одетого мужчину, девочка чуть поклонилась и представилась.

– Гита Пельцер, – сказала Гита, разглядывая чуть иначе, чем она привыкла, выглядевшего ребе.

– Здравствуй, ребе, – вежливо поздоровалась Циля, – познакомься с моей дочерью Гитой.

– Это та самая? – мужчина с интересом посмотрел на девочку, потянувшую к себе сидур.⁵¹ Разумеется, историю еврейской девочки знали многие.

– Да, ребе, – женщина смотрела на то, что делает Гита, а та будто была не тут – открыв книгу по дороге к скамейкам женской половины, девочка знакомо шевелила губами. – Когда она появилась, тоже шептала молитву... «Шма».

– А сейчас – благодарственную, – немолодой раввин, разумеется, определил страницу, открытую девочкой. – Что наводит на мысли... девочка религиозная?

– Трудно сказать, – пожала плечами Циля. – Хочешь с ней поговорить?

– Пожалуй, – кивнул ребе и, дождавшись, пока ребёнок закончит молитву, куда-то увел Гиту, доверчиво с ним пошедшую, хотя Циля, конечно, знала куда.

Девочка странной не была, по мнению Циля, просто она потеряла в своей жизни всё и всех. Даже в советской стране это было возможно, а у «буржуев» так и подавно. Идиш для Гиты явно был родным, немного отличавшимся, но это было обычным делом. Вот с русским было не так просто, но Циля твёрдо знала – это необходимо, ибо по Одессе после неурожая пополз нехороший душок, а своим ощущениям женщина доверяла, потому дети ходили в русскую школу.⁵²

---

⁵¹ Молитвенник.

⁵² Были и еврейские школы, где преподавание велось на идиш.

Ребе вернул Гиту, радостно кинувшуюся к матери, и подошёл сам, в задумчивости покачивая головой. Видя, как Гита тянется к Циля, раввин понимал, что без женщины ребёнок погибнет, и нужно было максимально обезопасить эту семью, по мнению немолодого мужчины. К счастью, возможности для этого пока, по крайней мере, имелись.

– Ты для неё святая, Циля, – по-русски произнес ребе. – Никогда такого не видел.

* * *

Циля и Изя сотворили чудо – Гита полностью восстановилась, отъелась. Конечно, шрамы напоминали о прошлом девочки, но они были скрыты одеждой. Гита очень бережно относилась к одежде, а ещё полюбила Ривку и Йосю так, что удивляла самих детей, чувствовавших себя старшими, хоть и записали девочку одиннадцатилетней, как и Ривку. Прошло несколько месяцев, за ними пролетело и лето, и вот Гита собиралась в школу вместе с Ривкой. Нужно было решить ещё вопрос с пионерской организацией, но Ривка уже говорила с «людьми», как сказала она сама, а Гита выучила устав, цели и задачи, поэтому была вполне подготовленной.

Первого сентября, входя в свой новый класс, Гита беспокоилась – как её примут, но, несмотря на то что школа была русской, в ней училось множество еврейских детей, для которых история истерзанной румынами девочки секретом не была, и Ривка смотрела на сестрёнку с улыбкой, точно зная, что ничего плохого произойти не может. Девочка робко вошла в класс – ровные ряды парт, за которыми и на которых сидели такие же дети, как Гита.

– Ой, смотрите! – воскликнул какой-то мальчик, и в следующее мгновение Ривка и Гита были окружены школьниками.

– Привет! Тебя Гита зовут? – поинтересовался одноклассник. – А я Лима, будем знакомы!

– Будем знакомы, – улыбнулась подавившая неизвестно откуда взявшееся желание поклониться девочка.

– Меня Лея зовут, – маленькая скромная девочка в синем платье и красном галстуке робко представилась. – Будем дружить?

– Конечно, будем, – Ривка улыбалась во весь рот. – После уроков пионеры остаются, – предупредила она. – И Гита тоже.

– Какие вы молодцы! – обрадовался какой-то пока не представившийся мальчик и хотел уже что-то добавить, но прозвенел звонок, от которого дети порскнули за парты, подобно испуганным воробьям.

Ривка усадила Гиту рядом с собой, шепнув: «Делай, как я». И девочка встала вместе со всеми, стукнув крышкой парты, приветствуя вошедшего в класс учителя, так же со всеми уселась, пока тот проводил перекличку. Мужчина ласково посмотрел на уже слегка испугавшуюся Гиту, назвав её имя и фамилию. От улыбки учителя вдруг стало спокойно, она была настоящей, эта улыбка, совсем не фальшивой. Германия забывалась, исчезая в тумане воспоминаний и ночных кошмаров.

– Ну что, в нашем полку прибыло, – учитель улыбнулся классу, перейдя затем к теме занятия. – Сегодня мы с вами рассмотрим географию южных рубежей нашей Родины, но для начала товарищ Нудельман расскажет нам о том, что мы проходили в прошлом году. Прошу к доске.

Непредставившийся мальчик уверенно вышел к доске, с ходу начав рассказывать о Сибири и северных реках. Это было очень интересно, Гита просто заслушалась, что учитель, конечно же, заметил. Поставив пятёрку мальчику, мужчина начал рассказывать о юге Советского Союза. Урок пролетел совершенно незаметно, он был настолько интересным, что девочка хотела ещё. Но за географией последовала математика, а за ней и физическая культура, на которую Гите ещё было нельзя, – Папа рисковать не хотел, и в этом году от занятий физической культурой девочка была освобождена.

Школа оказалась настолько интересной, что было просто не оторваться. Учиться девочке понравилось, что оценила Ривка, видя, с какой радостью занимается сестрёнка. Как-то после уроков все остались в классе, потому что сегодня пионерская организация должна была принять решение – готова ли Гита, чтобы вступить в её ряды, или нет.⁵³ Девочка так разволновалась, что сильно побледнела, отчего сестренка её отругала. Мягко, ласково, но тем не менее. Однако оказалось, что Гита волновалась зря. Показав знание устава, она заставила ребят улыбаться. Когда начались прения, товарищ Нудельман вышел перед своими товарищами.

– Гиту мучили румынские буржуи, одно это говорит о том, что она наша, – твёрдо сказал мальчик, глядя в глаза товарищей. – Она не сломалась, не отчаялась, а нашла в себе силы сбежать, чтобы бороться. По-моему, это достойно! Если нужно, я ей свой галстук отдам!

– Правильно Аркаша говорит! – выкрикнул Лима с места. – Дстойна!

– Я тоже считаю, что надо принять, – тихо согласилась ещё одна девочка, на чём прения и закончились.

– Голосуем, – произнёс взрослый юноша. – Кто за то, чтобы принять Гиту Пельцер в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Ленина?

– Единогласно, что ли? – удивилась какая-то девочка, считавшая поднятые руки. – Ну тогда...

И задыхающийся от волнения голос Гиты клялся «горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза»,⁵⁴ а потом Ривка повязала на шее сестры красный галстук – символ той страны, в которой теперь жила девочка. И снова Гита чувствовала себя частью чего-то большого, просто огромного. Важной частью. *Нужной*.

Отлично понимавшая, что означал этот галстук для дочки, Мама устроила праздник, на который собрались и соседи, поздравляя девочку, лицо которой было цвета галстука, с этим важным шагом. Для Гиты это было важно – доверие товарищей. Каждый день девочка училась тому, что она совершенно точно не одна. Уходило в прошлое одиночество, всё реже приходила в снах камера... Всё чаще снились абсолютно волшебные, в которых была радость, только радость и больше ничего, сны.

– Расцвела дочка, – прокомментировал Изя, полюбивший эту милую девочку. – Перестала бояться...

– Закрой рот с другой стороны и иди суды, – попросила Циля, поинтересовавшись затем: – Ты себе сделал мнение, как праздновать день рождения Гиты будем?

– Понятно, что вместе с Ривкой, – покивал Изя, пустившись в обсуждение деталей с любимой женой.

А ведь впереди ещё ожидалась праздники, их тоже надо отмечать – пусть ребятишки чувствуют себя комфортно. Родители думали о том, чтобы детям было тепло и хорошо дома, всем детям, не разделяя их на биологических и нет. Именно это Гиту поражало больше всего, именно этого она никогда в жизни ранее не видела, даже в синагоге. У девочки теперь была настоящая семья, поэтому и радовалась обязательно солнечному будущему *а идише мэйделе*.⁵⁵

---

⁵³ Обязательным и формальным это в те годы не было, как и комсомол, кстати.

⁵⁴ Текст клятвы пионера того времени.

⁵⁵ Еврейская девочка (идиш).

Часть 7

Нежный голосок Гиты выводил: «А идише маме, ис гибт нит бэсер ин дер вэльт...»,⁵⁶ а Циля смотрела на младшую из своих детей, глядевшую на неё сейчас с такой любовью, буквально заставляющую плакать оттого, как девочка относилась к ней, к своей Маме. Гита даже писала это слово с большой буквы, поразив учителя объяснением, почему так правильно. И ей позволили, не считая это ошибкой; при этом люди смотрели на Цилю с большим уважением – так воспитать детей...

В школе всё было прекрасно, по мнению уже еврейской девочки, совершенно забывшей, что когда-то она была ненужной и нелюбимой. У неё были Мама, Папа, Ривка и Йося, и Гита хотела, чтобы так осталось навсегда. Мама была права, отправив их троих в русскую школу, потому что не прошло и пяти лет, и еврейские школы начали закрывать, принудительно переводя город на русский язык, точнее, его одесскую вариацию. Но спустя год Гита уже довольно хорошо владела русским, работая над собой. Девочка видела, как радовалась Мама, стоило только получить хорошую отметку, и старалась никогда не огорчать Цилю. Свою Маму.

Глядя на Гиту, менялась и Ривка, потому что такое отношение и такие эмоции не могут оставить никого безразличным. А Изя только улыбался, радуясь за детей. Пропадавший на работе доктор, конечно же, очень осторожно привёл младшую в больницу ещё в самом начале – состояние нужно было зафиксировать для НКВД, но Гита уже полностью доверяла Папе, поэтому даже и не запомнила деталей осмотра.

– Ривка, мы на речку пойдём? – поинтересовалась доделавшая уроки Гита.

– А как ты себя имеешь⁵⁷? – поинтересовалась сестра, озабоченная бледностью своей младшей. – А так я не против.

– Ой, да... – хотела уже отшутиться девочка, но потом просто прильнула к Ривке, тихо сказав на идиш: – Всё хорошо, сестрёнка, честно-честно.

– Ох, сокровище моё, – обняла та Гиту, погладив по голове, что её сестре очень нравилось. И Ривка, и Циля быстро заметили, что младшая не просто нуждается в ласке, но и ценит её. – Пойдём...

– Ты слышала, что за геволт⁵⁸ у Рабиновича был? – поинтересовалась младшая, пока они шли к морю.

– Ой, у него вечно какой-нибудь геволт,⁵⁹ – отмахнулась Ривка, которую эта тема совершенно не интересовала. – Он наверняка и гефилте фиш⁶⁰ делает как геволте,⁶¹ – и девочки рассмеялись.

Плывать Гите очень нравилось, так же, как и ходить под парусом. Йосин друг Миша выходил на лодочке в спокойную погоду, и, конечно же, они не забывали девочек, потому что без Ривки Гита была несогласна, а сама Ривка нравилась Мише, который вот таким способом мог с ней встречаться, не привлекая внимания, хотя девочка, конечно же, всё понимала.

Самым тяжёлым для Гиты поначалу был противогаз. В школе учили, что противогаз должен быть всегда под рукой, в городе даже проводились «репетиции отражения воздушно-химического налета империалистической банды», когда нужно было бежать в убежище и надевать противогаз. Иногда даже уроки проводились в противогазе, что было очень тяжело – Гита

⁵⁶ Еврейская мама, нет ничего лучше на свете. Строчка из песни «Еврейская мама», Джек Еллен/Лу Поллак.

⁵⁷ Как ты себя чувствуешь? (одес. жарг.)

⁵⁸ Шум, вой, скандал (идиш).

⁵⁹ Шум, вой, скандал (идиш).

⁶⁰ Фаршированная рыба (идиш).

⁶¹ Игра слов гефилте-геволте.

задыхалась и пару раз даже падала в обморок, пока Ривка не рассказала, что фильтр можно свинтить и тогда дышаться будет легче, правда, если поймают, будет очень грустно.

«Очень грустно» Гита поняла как «Мамочка расстроится», поэтому терпела изо всех сил, пока Папочка не заметил неладное – девочка чаще бледнела, ей временами не хватало воздуха, и тогда школа получила грозную бумагу из больницы, отчего девочку освободили от учебных тревог. Она не одна была такая: Лея из их же класса тоже задыхалась, а директор школы сказал, что смысл этих тревог – научить, а не убить, поэтому девочек даже жалели.

Здесь учились десять лет, и не было разделения по разным школам, как в Германии, хотя ещё сохранялись отдельно мужские, отдельно женские, но и в этом смысле Гите повезло – по крайней мере, она действительно так считала. Иногда только страшные картины приходили в снах, и тогда Мама успокаивала свою мэйделе.⁶² Девочка ощущала себя очень нужной и важной, да и любила свою семью так, как будто они были первыми после Всевышнего. Ребе улыбался, глядя на то, как Гита совмещает пионерскую работу и иудаизм. Иногда это было действительно забавно.

Несмотря на то, что Гита подрастала, её продолжали ласково называть «девочкой» – мэйделе на идише. Прошедшее время слилось для девочки в постоянное ощущение счастья. Она всегда помнила, как бывает плохо, поэтому старалась изо всех сил. Не всегда у неё получалось, но трудно было бы ожидать всего... Однажды она даже напугала Маму своим видом. Девочка возвращалась из школы, пытаясь понять, что сделала не так – сегодня она получила двойку, не представляя за что. Учитель был новым, ничего не объяснив, он будто хотел довести девочку до слёз, что попытавшиеся успокоить Гиту друзья и подруги очень хорошо поняли.

Циля, увидев бледную дочку, в глазах которой застыли слёзы, кинулась к ребёнку. Первое, что сделала та, кого Гита даже писала с большой буквы, – обняла расплакавшуюся от Маминого тепла девочку. Вздыхая, Циля гладила Гиту, пока та не успокоилась и не смогла объяснить, что произошло, немедленно разозлив женщину, решившую на завтра пойти разбираться.

– Я тебя расстроила, Мамочка, – девочка переживала так, что Циля уже и не знала, как успокоить доченьку.

– Не надо так переживать из-за двойки, Гита, – женщина не понимала причины такого горя, сразу даже и не сообразив.

– Я не из-за двойки, – Гита подняла заплаканные глаза. – Я потому, что тебя расстроила...

– Мама сильнее расстраивается, если ты плачешь, – Циля наконец поняла причины катастрофы. – А оценки – это тьфу и растереть. За оценку тебе мама горбатого слова⁶³ не скажет.

– Правда? – девочка смотрела с такой надеждой, что сердце матери просто не выдерживало. Иногда трудно быть центром мира, даже и для своих детей.

– Ох, мэйделе... —укачивая Гиту, Циля думала о людской чёрствости и жестокости.

А вот запоздавшие из школы старшие дети сестрёнку никому прощать не собирались. Сначала собрав совет отряда, девушки и юноши пригласили комсорга школы, который быстро понял, что дети задумали, и... не возражал. Гиту в школе любили – всегда готовая помочь, никому не отказывавшая во внимании, поддерживавшая младших ребят и сама прошедшая абсолютно точно ад... Поэтому комитет комсомола одобрил инициативу старших пионеров, и в местное управление НКВД отправилась вполне официального вида бумага.

Энкаведешники на бумагу, в которой, в частности, было написано следующее: «...При виде почти замученной румынскими буржуями девочки не смог сдержать своих низменных побуждений в желании унижить...», отреагировали мгновенно, сразу же арестовав учителя, которому не понравилось то, как почитает свою Маму девочка. Ну а формулировать в этой

⁶² Девочка (идиш).

⁶³ Не упрекнёт (одес. жарг.).

страшной организации тоже умели, поэтому мужчине стало очень грустно, а вот Гита, осознав, что её защитили, и вовсе потеряла дар речи. Она была действительно частью общего.

Казалось бы, арестован учитель почти по навету, но вот в чём оказалась проблема – по документам тот проходил как коренной одессит, а на деле не понял ни ответа разволновавшейся девочки частично на идиш, ни её отношения к Маме, что выдавало некоторые странности. Контрразведка копнула, и на белый свет выплыло такое, что дело быстро засекретили, а «учителем» занялись «очень отдельно».

Но самым главным для Гиты было другое – её защитили, значит, всё правда. И рядом с ощущением от «своего народа» встало ощущение «своей страны». Своя семья, своя страна, свой народ – стали именно теми камнями, на которых стояла личность Гиты Пельцер, той, которую ласково называли «мэйделе» в любом возрасте.

* * *

Подростковая влюблённость как-то обошла Гиту – ведь в её жизни была Мама, и казалось, никакое другое чувство не может поместиться в сердце девочки, там просто не хватит для него места. Поэтому из школы Мэйделе буквально бежала, почти не глядя по сторонам. Поскорее к Маме, поскорее обнять, прикоснуться к самой лучшей женщине на свете.

А вот с Мамой гулять Гита любила, ей нравилось медленно идти по Лассалья,⁶⁴ где на углу с улицей Десятилетия РККА⁶⁵ стоял «Пассаж» – огромный магазин и гостиница заодно. Здание было красивым, но Мама предпочитала Привоз, где можно было найти абсолютно всё и не по таким кусачим ценам, как считала Циля, привыкнув за время НЭПа⁶⁶ к тому, что «Пассаж» – для богатых.

Мэйделе нравились одесские дворики с фонтанами, плющом и балконами, они были такими уютными, как и их двор, конечно же. И море... К морю ходили по Луговой, не только на пляж, конечно, – за мидиями ещё, и Йося ловил рыбу. Гита помогала Маме по дому, потому что дома всегда есть чем заняться, к тому же – Мама рядом. Циля только улыбалась, поглаживая замиравшую от её ласки девочку. Осознавая, что именно она стала центром мира Мэйделе, женщина была очень осторожна в словах, чтобы не ранить ненароком так доверившуюся ей доченьку.

– Тетя Циля, разрешите мне с Гитой погулять? – поинтересовался Аркаша Нудельман, подойдя к дому, где жила семья Пельцеров.

– Я не против, а её ты уговоришь? – улыбнулась всё отлично понимавшая женщина. Она говорила на идише, чтобы Гита слышала.

– Уже пошёл уговаривать, – упрямо тряхнул вихрастой головой мальчик. Циля готовилась получать удовольствие от наблюдения за процессом. Но в этот раз у мальчика получилось довольно быстро – в кинотеатре обещали какой-то новый фильм.

Быстро уговорить получилось ещё и потому, что женщина сжалась, войдя в комнату девочек. Ривка куда-то уже усакала гулять, а Гита предпочитала сидеть с мамой. На дворе был жаркий май, поэтому одетая в лёгкое летнее платье девочка разрывалась – ей в кино очень хотелось, но не хотелось и оставлять Маму.

– Мэйделе, иди в кино, – тихо произнесла Циля, заставив ребёнка радостно заулыбаться.

– Спасибо, Мамочка! – девочка всё понимала, поэтому и благодарила. Поцеловав свою Маму, Мэйделе будто испарилась вместе с Аркашей.

– Чудо просто, как она тебя любит, – заметила соседка. – И Ривка с Йосей уже так же...

---

⁶⁴ Прежнее название Дерибасовской.

⁶⁵ Сейчас – Преображенская улица.

⁶⁶ Новая экономическая политика – экономическая политика, проводившаяся в 1920-х годах в Советской России и СССР.

– Просто она наша Мэйделе, Сара, – улыбающаяся женщина старалась не думать о том, что будет, когда дети закончат школу.

А Мэйделе спокойно шла рядом с Аркашей, не зная, о чём говорить. Девочка улыбалась, оглядываясь по сторонам. Кино крутили с передвижки неподалеку от пляжа. «А потом, наверное, можно и окунуться», – подумала Гита, но вспомнила, что не взяла купальный костюм, и покраснела, поняв, что не рискнёт. Иногда они с Ривкой прыгали в море голышом, когда никто не видел, а сейчас уже было нельзя – не одиннадцать чай. Эти прогулки частыми не были, потому что уговорить девочку было нелегко. Тянувшаяся к семье и Маме, она не хотела просто так гулять – только по делам, которых, правда, тоже хватало. Ну и синагога, конечно... Так проходило время. День рождения Ривки и Гиты был весёлым праздником. Всегда был, потому что это же дети. Когда в самый первый раз Гита спросила: «А что это такое?», Циля чуть не расплакалась, но удержала себя в руках, рассказав доченьке, почему день, в который она родилась, – праздник для всей семьи. От таких слов Мэйделе плакала так, что перепугала всех, но с тех пор старалась сделать подарок для Ривки, потому что сестрёнка. Рисунки Мэйделе остались с сестрёнкой даже в очень суровые будущие дни, именно они согревали её и дарили уверенность в том, что всё будет хорошо.

– Мама! Мама! Я выиграла! – счастливая Гита заражала своим счастьем всех вокруг. Победив в школьном конкурсе тематического рисунка, Мэйделе внезапно обнаружила своё произведение в газете. На рисунке была их улица, и была она такой, что казалось – тронь, и всё начнёт двигаться. Картина, буквально заполненная счастьем ребёнка, заставляла улыбаться.

– Умница ты моя, – радовалась Циля вместе с доченькой, для которой Мамина улыбка была самой лучшей наградой. Ради этой улыбки Мэйделе была готова отказаться от чего угодно – только бы Мама улыбалась. Но отказываться не требовалось.

– Ривка, ходи с Мишей, – посоветовала женщина, видя, что дочка не может выбрать из двух ухажёров. – Моня трескучий,⁶⁷ как второй сын,⁶⁸ всё под подол смотрит,⁶⁹ не нужен тебе такой.

– Да, мама! – обрадовалась девушка, чувствовавшая что-то и так. Любви в её сердце не было, взгляды Миши были приятны, а Моня умел забалтывать. Но Мама знает лучше.

Циля очень хорошо чувствовала происходящее вокруг, отчего направляла своих детей, подсказывая, поэтому в комсомол вступили и Йося, и Ривка с Гитой. Именно эта общность со своей страной помогала девушке, радостно разглядывавшей свой новенький значок с надписью «КИМ»,⁷⁰ – при этом девушка, конечно же, сдавала нормы,⁷¹ как и все остальные её товарищи. Не только потому, что товарищи это тоже делали, но и потому, что Мама сказала, что лишним не будет.

– Гита, занимайся медициной, – посоветовала Циля, увидев в девочке талант к сопереживанию, поэтому Гита записалась на курсы, организованные комитетом комсомола, чтобы не просто сдать нормы, а стать к окончанию школы медсестрой. Изя, конечно, помогал выбравшей медицину младшей, обеспечивая её практикой, помогая наработать знания.

– Да, Мамочка, – девушка была не только послушной – она абсолютно верила Маме, потому что Мама знает лучше. И пока что так и было. Ривка решила учить детей, а Йося... Иосиф посоветовался с папой, с дядей Самуилом, решив стать стоматологом, – это всегда были хорошие деньги, а мужчине надо думать о семье.

⁶⁷ Говорливый (одес. жарг.).

⁶⁸ Не очень умный, но хитрый (одес. жарг.).

⁶⁹ Думает о половых отношениях (одес. жарг.).

⁷⁰ Коммунистический Интернационал Молодежи, один из вариантов значка в то время.

⁷¹ Нормы ГТО.

Те годы Гита вспоминала потом как самые счастливые во всех её жизнях. Самые тёплые, нежные, ласковые воспоминания всегда согревали девушку. Даже когда бывало очень плохо и грустно, воспоминания детства согревали *а идише мэйделе*.⁷²

---

⁷² Еврейская девочка (идиш).

Часть 8

Шли недели, месяцы, годы... Самая счастливая на свете, по мнению Гиты, семья жила своей жизнью, несмотря ни на что. Девушка ценила каждое мгновение, прожитое в этом тепле. Никто и не думал обижать детей Пельцеров, ибо тогда на сцену выходила их Мама и все имели бледный вид. Потому и не связывались.

Гита научилась говорить искренние, пламенные речи, отчего к ней прислушивались, игнорируя тот факт, что и в синагогу девушка тоже ходит. Однако потянувшиеся в комсомол еврейские девушки заставили интерпретировать посещения синагоги юной активисткой совсем не так, как было на самом деле. Не только Циля чувствовала, откуда ветер дует, потому так и случилось.

«Большая чистка»⁷³ Одессу почти не затронула, по крайней мере, заметных изменений не наступило; напротив, успехи Гиты Пельцер оценили на довольно высоком уровне, выдвигая девушку на различные мероприятия. Мэйделе совсем не нравилось расставаться с Мамой, но Циля сумела научить свою младшую доченьку кое-чему очень важному – слову «надо», поэтому Гита завоевала славу «идейной», что очень веселило ребе.

Готовить детей к поступлению женщина начала заранее. Йося мог учиться и в Одессе, а вот для Ривки и Гиты Циля подобрала города поцентрнее, хорошо помня, что московский диплом теперь ценится выше одесского. Потому Ривка получила выбор из двух городов, а у младшей выбора не было. Гиту огорчала только разлука с Мамой, Папой, сестрой и братом – ведь во время обучения нужно было жить там, где учишься, возвращаясь домой только на каникулы. Циля, конечно, начала готовить дочерей заранее, уча их не только организовывать быт, но и находить общий язык с очень разными людьми, для чего брала с собой на Привоз. Эта Мамина наука осталась с Гитой навсегда, именно она помогала жить, проходить в шаге от опасности и... Мэйделе любили в любом коллективе.

Мама сказала, что её ненаглядная дочка должна учиться. И Мэйделе училась – в школе, на курсах, в больнице. Она не брезговала никакой работой в Папиной больнице, отчего её очень уважали и санитарки, и медсёстры, а доктора брали с собой на обход и даже в морг, чтобы подробно рассказать будущей коллеге, что и как в организме человека устроено. Когда в Одессу для изучения кожного туберкулёза приехал сам Яков Львович Рапопорт,⁷⁴ доктора неведомо как уговорили его прочесть любознательной Мэйделе лекцию, запомнившуюся ей именно подходом к человеку, к его здоровью и проблемам.

– Лигаменты – соединение костей при помощи связок, – почти наизусть заучивала Гита. – Мембраны – широкие фиброзные пластинки, соединяющие диафизы. Сутура – соединяют кости черепа...⁷⁵

– Думаю, сможет сдать экзамен к концу девятого класса, – задумчиво поделился Изя с Цилей. – Будет вполне сложившийся фельдшер, пожалуй. Если, конечно, разрешат... Скорей всего, получится что-то вроде помощника фельдшера.

– Это же хорошо? – поинтересовалась женщина, не очень глубоко разбиравшаяся в озвученном.

– Да, могут принять сразу на второй курс, а то и... – Изя постучал по дереву, на что Циля улыбнулась. – Поскорее закончит... Тем более у нас с тридцатого года уже-таки четыре года...⁷⁶

⁷³ Репрессии 1937-1938 годов.

⁷⁴ Советский учёный-медик, патологоанатом, мемуарист. Доктор медицинских наук, профессор.

⁷⁵ Курс общей анатомии человека.

⁷⁶ С 1930 года было действительно 4 года вместо пяти – к началу войны или шести сейчас. Решение было принято в связи с острой нехваткой персонала.

Аркаша ухаживал за погружённой в учебу Мэйделе, решившись поговорить с «тётей Цилей». Юноше нравилась девушка, но ему казалось, будто всё, что он делает, – совершенно бесполезно. Циля грустно улыбнулась, видя проблему молодого человека, но она хотела только самого лучшего для своей мэйделе, потому решила посоветовать.

– Аркаша, не делай ветер, ⁷⁷ – сообщила ему женщина и перешла на идиш. – Будь рядом. Если ты действительно что-то чувствуешь – просто будь рядом. Мэйделе не услышит трескучих слов, да и вряд ли оценит даже цветы – она просто не знает, почему это хорошо, понимаешь? А вот быть рядом...

– Я понял, тётя Циля, – кивнул Нудельман, которому Гита действительно очень нравилась, поэтому, сделав усилие над собой, он ей стал другом.

Аркаша утешал девушку, когда что-то не получалось, радовался за неё, когда выходило, приходил к ней в больницу, чтобы помочь хоть чем-нибудь. Молчаливый приветливый молодой человек вызывал улыбку много чего видевшего персонала, поэтому его и не гоняли. Так шло время, в которое казалось, что будущее очень радостное и ничего плохого случиться не может.

Гита старалась не огорчать свою Маму даже намёком. Она стала старше, скоро уже и выпускной бал, а за ним... Расставание с семьёй, которого девушка, конечно же, страшилась. Но Мама сказала: «Так надо», и Гита делала, как сказала Мама. Женщина для Мэйделе была абсолютным авторитетом, более авторитетным, чем даже товарищ Сталин, хотя вслух этого девушка, разумеется, не говорила.

Ривка, выбравшая Ленинград, грезилась о колыбели революции, представляя, как будет ходить по улицам легендарного города. Что интересно, Мишка сменил вектор увлечений, отправляясь в тот же город. Юноша понимал, что видеться они будут нечасто, но тешил себя надеждой пронести свои чувства через это испытание. На дворе стоял тридцать девятый год, и расставание было всё ближе. Каждый день, каждая ночь приближала расставание Гиты с семьёй, отчего девушка начала было чаще плакать, но Мама, да и ребе, помогли Гите принять это испытание, хотя было очень непросто. Особенно непросто убедить оказалось взрослую девушку, в памяти которой ожили старые демоны, что Мама никуда не исчезнет.

И вот наконец выпускной бал. Сначала было вручение аттестатов зрелости, и её детей вызывали одного за другим в числе первых, отчего Циля радовалась и гордилась ими. Аттестаты с отличием, благодарности комсомольской организации, благодарности учителям прерывающимся от волнения голосом.

– Пельцер Гита! – вызвали младшую дочь, чтобы вручить аттестат зрелости. С отличием! Девушка, увидевшая радостную улыбку Мама, чуть не забыла всё, что хотела сказать, но взяла себя в руки, выдав прочувствованную речь, заставившую прослезиться педагогов и удовлетворённо кивнуть стоящего наособицу товарища из НКВД.

Счастливая от Маминой улыбки девушка принесла свой документ, вручая его той, что была для Гиты важнее всего на свете. Мамины объятия, Мамина гордость... на всю жизнь запомнила та, кого по-прежнему называли «мэйделе», этот момент. Потом, конечно, был праздник, на который пришли все – и дядя милиционер, и ребе, и соседи... Дети закончили школу, готовясь разлететься в разные стороны. Циля гордилась каждым из них. И, видя эту гордость Мама, расцветали улыбки на посмурневших от скорого расставания лицах.

* * *

Это были самые тяжёлые недели, пожалуй. Если Ривка была морально готова ехать, даже грезилась городом, в котором будет учиться, то Гита... Мэйделе стала чаще грустить и тихо-

---

⁷⁷ Не суетись (одес. жарг.).

тихо плакать в подушку, что не могло радовать Маму, сидевшую с девушкой почти постоянно, уговаривавшую её, успокаивавшую.

– Мама, может, лучше в Одессе? – спросил однажды Йося, которому было тяжело от слёз сестры.

– Йося, кто мучил нашу Мэйделе? Мало ли что может случиться... – ответила Циля. – Беспокоюсь я за неё, лучше подальше от границ да от румын...

– Вот оно что... – брат пошёл разговаривать с сестрой. После этого разговора на лице Мэйделе появилась решимость, слёзы сошли на нет, но от тоски в глазах ребёнка хотелось плакать.

– Мэйделе, так надо, Мама не может ошибаться, – сказала девушке сестра, и Гита приняла это.

Первыми провожали Ривку и Мишу – экзамены у девушки начинались немного раньше, чем у Гиты, оттого она и уезжала раньше. Замершие на перроне сёстры... А потом объятия Мамы – последние перед долгой разлукой. Очень долгой – аж до самой зимы, поэтому плакали и Ривка, и Циля, и Гита... Изя держался, как и Йося, – мужчинам нельзя. Наконец в окне вагона появилось лицо сестрички, едва видной Гите из-за заливавших лицо слёз. Ривку Миша успокаивал до самой ночи, но сумел успокоить, а Мэйделе вдруг стало как-то пусто в комнате, и она провела всю ночь, глядя недавнюю фотографию сестры. Потом дни побежали как-то очень быстро, и вот...

Через неделю уезжала и Гита. Свою младшую Циле было особенно тяжело отпускать, но женщина чувствовала, что так будет правильно – подальше от румын, потому что пограничники доносили о каком-то странном шевелении на той стороне. По мнению Циля, надо наступить на горло жалости, чтобы доченька была в безопасности. И вот... Решимость девушки испарилась на вокзале. Все слова будто исчезли – её хотели разлучить с Мамой! Отчаянно рыдающая от расставания с самым святым на свете человеком Гита никак не могла отцепиться от Мамы. От той, что была всем для этой девушки, по-прежнему ласково называемой «мэйделе», что значило «девочка». Так называли ещё совсем маленьких девочек, но именно «мэйделе» почти стало вторым именем Гиты, совсем не представлявшей себе жизни без Мамы. С трудом усадив дочь в поезд, Циля уже жалела о своём решении. Видеть, как рвётся от разлуки сердце ребёнка, было для матери невыносимо. Казалось, ещё минута, и всё будет переиграно. Понимал это и Изя, шепнувший что-то на ухо понурившейся доченьке. Стоя на ступеньках вагона, девушка вбирала в себя образ Мамы.

– Я буду писать, Мама! Каждый день! – выкрикнула стоявшая на ступеньках девушка.

– Пиши, доченька, доброго пути! – ответила ей Циля, не замечая текущих слёз.

Свистнул паровоз, поезд медленно двинулся, уезжая от вокзала, а девушка всё стояла и смотрела, пока наконец Одесса не скрылась в вечерней дымке. В купе неожиданно обнаружился хорошо знакомый юноша – Аркадий Нудельман, тоже отправлявшийся в Москву. И снова Гита почувствовала – она не одна. Её ждет Мама, её поддерживает страна и... Аркашу девушка восприняла чуть ли не знамением... несмотря на то, что встретить его в поезде она не ожидала, – вроде бы он собирался поступать в Одессе.

– А ты как здесь? – удивилась Мэйделе, даже забыв про слёзы.

– Ну не могу же я тебя оставить совсем одну? – улыбнулся протянувший девушке носовой платок юноша.

– Ты... ради меня? – глаза осознавшей это Мэйделе расширились от удивления. Понимать, что Аркаша ради неё изменил планы, для того чтобы она не чувствовала себя совсем одинокой... Это было так тепло, что девушка порывисто обняла юношу, затем застыдившись этой вспышки эмоций.

– Ты же моя Мэйделе... – не отвечая на вопрос, тем не менее ответил ей Аркадий, мягко и как-то очень ласково приобнимая, против чего возражать совсем не хотелось. Вдруг стало как-то спокойнее на душе.

– А ты кем будешь? – поинтересовалась девушка, не вспомнив, говорили ли они об этом раньше.

– Врачом, как и ты, Мэйделе, – юноша произносил это слово, почти ставшее вторым именем Гиты, очень ласково, и это было приятно, хотя девушка и не понимала, почему так. – Будем учиться рядом?

– Но ты же хотел инженером? – вспомнилось девушке. – Или я ошибаюсь?

– Хотел раньше, но, понимаешь... – Аркадий не знал, как сформулировать свои чувства, точнее, не знал, как это сделать так, чтобы не оттолкнуть Мэйделе, потому сказал почти правду: – Ты меня переубедила.

– Да? – очень сильно удивилась не помнившая такого за собой Гита. – А как?

– Своей целеустремленностью... – ответил ей юноша, продолжая обнимать девушку за плечи и борясь с желанием погладить её. – Своей душой, Мэйделе, – эта фраза, сказанная ласковым мягким голосом, смутила ту, кого звали «мэйделе» в любом возрасте.

Потом Аркадий озаботился чаем в красивых подстаканниках, достал печенье, и весь вечер почувствовавшая себя неожиданно легко Мэйделе разговаривала с представшим ей в совсем другом свете юношей. Почему-то тоска по Маме немного отошла, будто спрятавшись. Аркадий рассказывал о своих планах, и девушка понимала, что юноша, как и она, ориентирован на семью, но если Мэйделе без Мамы просто жить не могла, то Нудельман был нацелен именно на создание своей семьи, где всё будет так же хорошо и красиво, как в семье Пельцеров.

Аркадий слушал Гиту, улыбаясь. Привязанность девушки к семье просто поражала, хотя ни для кого секретом, разумеется, не была. Ведь это была их одесская Мэйделе, хорошо знакомая столько лет. А дома тихо плакала Циля, беспокоясь о доченьках, грустил Изя, с трудом отпустивший детей, да вспоминал младшую Йосю...

Лежа на жёсткой вагонной полке, Гита видела сон: вся семья сидит за шаббатным столом, радуясь тому, что они вместе. Как единый организм... А на дворе стояло лето тысяча девятьсот тридцать девятого года. Второй медицинский институт готовился принять в ряды будущих врачей совсем юную, но уже вполне опытную медсестру – *а идише мэйделе*.⁷⁸

---

⁷⁸ Еврейская девочка (идиш).

Часть 9

«Здравствуй, милая Мамочка! Я доехала хорошо, встретила в поезде Аркашу Нудельмана, представляешь? Документы у меня приняли, и завтра уже первый экзамен, но я совсем не волнуюсь, хотя экзамены у меня сразу за первый курс. Всю ночь мне снилась ты, наш дом... Как там Йося? И Папа? Не плачь, Мама, время пройдёт быстро, и я снова обниму тебя, почувствую тепло твоих рук. Про Ривку пока ничего не знаю...» – слёзы оставляли следы на бумаге, а перо выписывало слова древними буквами.

Если бы не Аркаша, Мэйделе растерялась бы, но юноша был спокойным и уверенным. Сразу же поместив вещи в вокзальную камеру хранения, он обратился к дружелюбному милиционеру с вопросом, как проехать в мединститут. Сотрудник органов улыбнулся девушке с разноцветными, но очень красивыми глазами, конечно же, подсказав. Сюрпризом стало то, что мединститут в Москве был не один, но Аркаша будто бы точно знал, куда нужно Гите, и она... доверилась ему.

– Сейчас мы поедem на метро, а потом совсем недалеко будет, – пояснил юноша, придерживая Мэйделе за локоток.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Как скажешь.

Спустившись в метро, девушка оглядывалась с интересом: вокруг было очень красиво, поезд удивил девушку, а проплывавшие за окном станции – поразили. Выглядевшие почти дворцами, они просто завораживали Гиту, заставляя улыбаться от её чистой детской радости Аркашу. Залюбовавшись Мэйделе, юноша чуть не пропустил нужную станцию, но быстро сориентировался, выскочив из поезда.

Девушка, увидев место, где предстояло учиться, замерла – красивое здание поражало воображение. Оно было будто бы круглым, от него веяло чем-то очень необычным, как будто бы на Гиту взглянула сама Гиги́ея.⁷⁹ Привычно зашептав молитву, Мэйделе под понимающим взглядом Аркаши медленно двинулась к этому строению. Внутри юноша извинился перед девушкой, сообщив, что всё разумеет и вернётся, но стоило ему уйти, как на Гиту обратил внимание пожилой мужчина с белой бородкой и очень умными глазами, одетый, как и многие здесь, в серый однотонный костюм.

– Документы? Очень хорошо, – произнёс этот человек, едва лишь девушка поздоровалась, подавшись в сторону. – Откуда вы?

– Из Одессы... – робко проговорила Гита, взглянув на мужчину, совсем не похожего на еврея, отчего девушка почувствовала необъяснимую робость.

– Вот как... – задумчиво проговорил встреченный в коридоре мужчина. – Давайте документы и следуйте за мной, – продолжил он свою речь, куда-то разворачиваясь.

– Хорошо, – кивнула Гита, пристраиваясь за незнакомцем. Ей было немного страшно, к тому же она боялась, что Аркаша обидится, но противоречить этому мужчине просто не посмела. Они прошли по коридору, куда-то поднялись, завернули в другой коридор, а мужчина просматривал документы.

– Ого! – воскликнул он. – Даже клиническая практика? Очень хорошо!

У двери, к которой подошел пожилой мужчина, обнаружился удивлённо посмотревший на Мэйделе Аркаша. Но она только кивнула на своего провожатого и сделала жалобное лицо, отчего Нудельман просто улыбнулся. Войдя в большую комнату, девушка внезапно узнала, что её привел сам Сергей Иванович Спасокукоцкий!⁸⁰ Поэтому, видимо, документы приняли просто молниеносно, сразу же выдав направление в общежитие.

⁷⁹ Богиня здоровья в греческой мифологии.

⁸⁰ Русский и советский учёный, хирург, создатель советской клинической школы.

– Стоп, – произнес Сергей Иванович, когда Гите хотели выдать расписание экзаменов. – Не эту бумажку.

– А какую, товарищ Спасокукоцкий? – удивился молодой мужчина, регистрировавший абитуриентов.

– У неё клиническая практика, отзывы из больницы, – терпеливо объяснил пожилой мужчина. – За первый курс давай, думаю, легко сдаст и не разочарует, надеюсь, своего учителя.

– Ого... – удивился его собеседник, выдав просимое, после чего объяснил, когда и куда приходить. Девушка, в свою очередь, обещала не подвести.

Выйдя из комнаты, Гита некоторое время не могла прийти в себя, ошарашенно оглядываясь. Нудельман нырнул в комнату, из которой девушка вышла, чтобы появиться снова через буквально несколько минут. Он, улыбаясь, подошел к Гите и предложил отправляться на вокзал.

– А зачем? – не поняла все ещё пребывавшая в некотором удивлении девушка.

– Вещи забрать, Мэйделе, – спокойно объяснил Аркаша. – А потом поедem в общежитие, хорошо?

– Спасибо, Аркаша! – искренне ответила ему Гита. – Без тебя я бы пропала, наверное.

– Ты бы точно не пропала, – погладил её по плечу юноша. – Ведь ты наша Мэйделе.

От этих слов стало как-то очень тепло на душе девушки. Отправившись на вокзал, с помощью Аркаши она забрала вещи, чтобы потом вернуться в общежитие, куда юношу не пустили. Поэтому, договорившись встретиться через два часа, Аркаша распрощился с отправившейся к какому-то «коменданту» Мэйделе. Этим словом называлась строгая женщина, будто просветившая Гиту взглядом насквозь, но не напугавшая девушку, потому что казалась какой-то искренней. Мэйделе ей просто улыбнулась, и комендант сразу же подобрела.

– Комната у тебя будет номер тридцать четыре. – Эта новость заставила девушку заулыбаться, ибо число было счастливым. – Значит, четвёртая на третьем этаже, – продолжила женщина. – У нас реорганизация, потому соседка у тебя будет одна. Ты на первый курс?

– На второй, похоже, – смутилась Мэйделе. – Мне сам товарищ Спасокукоцкий сказал сдавать за первый сразу...

– Хирургия, значит, – кивнула комендант. – Что же, поздравлю для начала, а посочувствовать будет кому. Мальчиков не водить, поздно не приходить, понятно?

– Понятно, – кивнула Мэйделе, внутренне вздохнув. Требования были естественными.

Комната оказалась комфортной – стол, два стула, два шкафа, две кровати, одна из которых пока пустовала, давая возможность Мэйделе выбрать. Рванувшись поначалу к окну, девушка передумала и разместилась поближе к двери. Разобрав вещи и написав письмо Мамочке, Мэйделе вскоре уже была готова встретиться с Аркашей, спросив перед этим у сидевшей на страже внизу женщины, где находится почта. Поначалу суровая, та увидела, как прижимает девушка к груди конверт, и отчего-то подобрела.

– Мэйделе! – окликнул Гиту Аркаша. – Подожди!

– Ой, привет! – заулыбалась девушка. – Мне нужно на почту, письмо Маме отправить.

– Конечно, – кивнул юноша, показывая направление. Гита согласно кивнула, и молодые люди отправились в сторону почты.

– Надо же... – женщина-вахтёр грустно улыбнулась, услышав, какие эмоции эта девочка вложила в слово «мама». Сколько женщина перевидала таких, оторванных от дома и родных, – не счесть, и всё же именно эта чем-то отличалась от всех... Что-то было в ней необычное, да и называл её этот парень «девочкой», произнося слово как имя. И Зоя Самуиловна улыбнулась, пожелав мысленно удачи.

* * *

Экзамены за первый курс начинались раньше, чем приёмные, но раньше и заканчивались, поэтому уже на следующий день с трудом державшая себя в руках девушка шагнула перед очи доктора наук, которого мгновенно узнала, сразу же как-то очень радостно улыбнувшись. Яков Львович тоже узнал разноглазую любопытную девочку, улыбнувшись в ответ. Несмотря на это, профессор Рапопорт гонял Мэйделе по всей анатомии, физиологии, спланхнологии...

– Назовите кости черепа... Какие мышцы соединяют... Какова форма и расположение печени... – вопросы сыпались вразбивку, Гита уже давно потеряла счет времени, а находившиеся в той же аудитории студенты смотрели на Мэйделе с жалостью и с ужасом – на профессора. – Ну что же... – наконец сказал знаменитый врач. – Отлично! Вот так и нужно ориентироваться! Умница, Мэйделе!

– Спасибо! – счастливо улыбнулась девушка ещё и оттого, что профессор запомнил, как её называли.

На других экзаменах было где посложнее, где попроще, но, успокаивая себя разговором с Ним, Мэйделе сдавала один за другим. Правда, приходила в общежитие выжатая как лимон. Нудельман, узнав, какие именно экзамены сдаёт девушка, старался её поддержать, приободрить, накормить, потому что Гита временами забывала и поесть, но вот минула сессия, теперь нужно было подождать решения пару дней... Тут приехала припозднившаяся соседка.

Машенька была именно Машенькой – в простом сарафане, платке, она приехала из недалёкой деревни. Худенькая девушка была робкой, даже поначалу испугалась Мэйделе, но Гита всё отлично поняла и принялась помогать Машеньке с документами, с размещением, отчего комендант улыбалась.

– У меня нет никого, – объяснила Машенька. – Родители от тифа померли, а меня тётка воспитала. Она хорошая, но нас у неё семеро...

– Ничего, вот увидишь, всё будет хорошо, – улыбнулась ей Мэйделе.

– А почему тебя тот парень так называет? – поинтересовалась Машенька. – Ведь тебя совсем иначе зовут.

– Меня все так называют, – немного смутилась Гита. – Это «девочка» на языке идиш.

«Здравствуй, милая Мамочка! Ты не поверишь, что со мной случилось! Я сдавала экзамены, очень страшно было на русском сочинении, но всё прошло хорошо. А потом внезапно оказалось, что меня берут аж сразу на второй курс, ты представляешь? Я так счастлива, ведь это значит, что мы сможем поскорее встретиться... Я быстрее закончу учёбу и никогда никуда больше от тебя не уеду. Я так скучаю по всем... Ривка написала, что у неё все хорошо, я так рада! Мама, Мамочка, я скоро приеду, ненадолго, но я успею!» – слёз было поменьше, ведь девушка теперь была счастлива.

Получив документы и встав на учёт в комсомольском комитете, она отправилась на вокзал – до начала занятий Гита вполне успевала вернуться домой и приехать обратно, спасибо профессору, назначившему ей экзамены первого курса. Как оказалось, такая практика чем-то особенным не была, что девушку очень порадовало. Аркаша ещё сдавал экзамены, жалея, что не может отправиться с Мэйделе, но и он вполне успевал, что сулило совместное возвращение в Москву.

Поезд свистнул, неся уже студентку, ударными темпами сдавшую экзамены, домой, чтобы ещё хоть немного побыть с Мамой. А вот Ривка не успевала, отчего очень завидовала сестре, но по-доброму. Циля гордилась младшей дочерью, радуясь её победе, ведь это была и победа Мамы. Сидя в купе поезда, Мэйделе предвкушала встречу с Мамой. Она очень-очень уже соскучилась...

Дорога минула как-то неожиданно быстро, и вот уже спустя совсем немного времени девушка смогла обнять свою самую-самую любимую на свете Мамочку. По дороге с вокзала Мэйделе ничего не говорила, только прижималась к женщине, прикрыв глаза, и Циля гладила свою младшую дочку, которой очень гордилась. Ведь Мэйделе поступила сразу на второй курс!

Ещё сдавал экзамены Йося, радуясь сестре, но девушка старалась просто не отходить от Мама. Как будто хотела накопить ласку впрок, ведь впереди были целых три месяца без Мама. Мэйделе старалась не думать об этом, а Циля, слушая рассказы о профессорах, понимала, что всё сделала правильно. Как бы больно ни было – она сделала правильно. Доченька выучится у очень хороших учителей и вернётся, став большим человеком.

Когда зашёл приехавший Аркаша, Гита поняла, что уже совсем скоро уезжать, отчего девушке всё чаще плакалось. Всё чаще Мама обнимала и гладила своё дитя. Именно в эти дни Циля больше всего жалела о решении послать ребёнка в Москву, но держалась – женщина очень хорошо понимала, что такое «надо». Вот Гита совсем не хотела расставаться с Мамочкой. Не так печалила разлука с Одессой, как с родной Мамою.

– Мама, Мамочка! – снова, как много недель назад, кричала со ступенек вагона Гита. – Я буду писать! Береги себя, Мамочка! И Папу с Йосей! Мама...

Циля плакала, глядя вслед поезду, плакала и Гита в вагоне. Аркаша никак не мог успокоить девушку, уже не зная, что делать, когда ту обняла совсем незнакомая женщина, видевшая прощание этой «мэйделе» со своей Мамою. Плачущую Гиту обнимала женщина, представившаяся тетей Идой, успокаивая ребёнка, оторванного от самого дорогого человека на свете. А потом Мэйделе уснула, чтобы проснуться с молитвой на губах. С молитвой на губах вступала в новую жизнь *а идише мэйделе*.⁸¹

---

⁸¹ Еврейская девочка (идиш).

Часть 10

Распростившись с Аркашей, как-то очень грустно посмотревшим на неё, Гита отправилась в общежитие. На сердце было очень тяжело, Мама была далеко, отчего хотелось плакать, что замечали люди вокруг. Девушка встала у окна на своём этаже и просто смотрела в окно, ощущая себя как-то... одиноко. Но в голове всплыли строки, вечные строки Песни Песней⁸², поэтому Мэйделе обратилась к Нему. Губы девушки шевелились, а слова молитвы будто прогоняли тоску и ощущение одиночества, заставляя брать себя в руки.

– Мэйделе! – Зоя Самуиловна, не поленившаяся подняться к девушке, назвала её так же, как тот явно влюблённый мальчик. – Тебе телеграмма!

– Телеграмма? Мне? – Гита мгновенно развернулась от окна, и, видя, как полыхнули надеждой глаза совсем ребёнка, женщина только вздохнула. – Спасибо-спасибо-спасибо!

Казалось, ещё мгновение, и девушка расцелует пожилую женщину. Читая всего несколько слов, Гита улыбалась, чтобы потом поцеловать бланк. Ривка нашла возможность вырваться из Ленинграда, встретиться со своей младшей сестричкой и поддержать не умеющую жить без Мама девочку. Зоя Самуиловна решила попозже поговорить с товарищем Пельцер, иначе девочка сердце себе спалит. Женщина обладала большим опытом, поэтому понимала, что происходит с Гитой.

Ривкин поезд прибывал через три часа, но Мэйделе не выдержала, помчавшись на вокзал. Нужно было, разумеется, ждать, что и делала Гита, вызывая поначалу интерес милиционеров, никак, впрочем, не проявлявшийся. Вот наконец появился поезд, к которому рванулась девушка, и спустя несколько бесконечно долгих минут... Девушки стояли, обнявшись, на при вокзальной площади, и каждому было видно – это близкие, родные люди.

– Не плачь, Мэйделе, – попросила Ривка. – Так хотела наша Мама, чтобы мы поехали учиться, надо слушаться.

– Я слушаюсь, Ривка, – всхлипнула Гита. – Но это так тяжело – уезжать из родного дома...

– Я знаю, малышка, – старшая сестра погладила младшую. – Ты уже нашла синагогу?

– Да, – кивнула младшая сестра, вспоминая ошарашенное лицо местного ребё.⁸³ – Я молюсь за вас всех, чтобы Он вам ниспослал мир, забрав всех врагов.

– Ох, Мэйделе... – вздохнула Ривка, понимая, как тяжело на самом деле их младшей, их девочке.

Провожать сестрёнку было больно, но Мэйделе держалась, хотя хотелось только плакать. Она держалась, хотя хотелось не отпускать, спрятать Ривку в карман или... спрятаться самой. Сколько таких прощаний видел этот вокзал... Скольких провожали, будто навсегда... И Мэйделе бежала вослед вагону, желая ещё хоть на минуточку удержать перед глазами родное лицо. Когда она остановилась, запыхавшись, слёзы всё ещё текли по лицу девушки.

Так её и нашел Аркаша, очень беспокоившийся о Мэйделе. Сгорбившаяся фигурка выражала такую тоску, что юноша не смог сдержаться, подбежав и обняв Гиту, этого, казалось, даже не заметившую. Но тепло объятий Аркадия помогло взять себя в руки, постепенно захлестнувшая тоска отпускала, помогала и молитва, отчего девушка вздохнула, подняв взгляд на наполненное беспокойством о ней лицо юноши.

– Спасибо... – прошептала Гита, спросив затем: – Как ты меня нашел?

– Цербер ваша подсказала, – улыбнулся Аркадий. – Ну что, пойдём?

– Пойдём, – согласно кивнула девушка, чему-то робко улыбнувшись. – Ты удивительно вовремя...

⁸² Песнь песней Соломона – Четвёртая книга раздела Ктувим еврейской Библии.

⁸³ В альтернативной реальности синагоги, в отличие от реальной истории, закрыты не были.

– Ты же наша Мэйделе... – не очень понятно ответил ей Аркадий и, взяв за руку, как маленькую, повел к метрополитену.

«Здравствуй, милая Мамочка! Вчера уехала Ривка, а я плакала всю ночь... Сестрёнка приехала, чтобы утереть мои слёзы. Наверное, я неблагодарная, но так хочется убежать к тебе и спрятаться от всего... Мама, Мамочка, я так тебя люблю! И Папочку! И Йосю! И Ривку! Умоляю, берегите себя! Ваша Мэйделе», – древние буквы ложились на бумагу. Гита по привычке писала на идише, ей было так удобнее выражать свои мысли, хотя и по-русски она тоже могла, но...

Аркадий тепло думал о девочке, оторванной от дома. Все чаще он задумывался именно о ней, можно даже сказать, что Мэйделе покорила его сердце, но, по мнению самого юноши, не любить девушку было просто невозможно. Поэтому, помня, что сказала тетя Циля, он старался быть рядом, а это было не очень просто, потому что Гита поступила сразу на второй курс, то есть занятия и аудитории были разными, но Аркадий старался.

– Машенька, ты покушала? – поинтересовалась Гита, помня, что за соседкой присмотреть некому.

– Нет ещё, – покачала та головой. Столовая пока не работала, а своих денег у Маши почти что и не было, поэтому она старалась экономить.

– Пойдём, – не слушая никаких возражений, произнесла Мэйделе, потянув соседку за собой. Продуктов она привезла достаточно, чтобы прокормить не только Машеньку.

– Спасибо... – от душевности еврейской девушки Машеньке хотелось иногда плакать. Получавшая с детства очень мало тепла девушка просто растекалась в доброте Мэйделе.

Назавтра были и первые лекции, на некоторые из которых уже нужен был халат и шапочка, которые у Гиты, разумеется, были. Привычно положив в карман бинт, потому что мало ли что, случаи бывают разные, девушка отправилась спать. Сегодня, как никогда, хотелось Маминых рук, поэтому Мэйделе тихо запела, а Машенька лежала тихо-тихо, слушая песню на смутно знакомом языке,⁸⁴ в которую соседка вкладывала, казалось, всю свою душу, без остатка.

* * *

Войдя в первый раз в корпус, Мэйделе на минутку растерялась, но сопровождавший её Аркаша, улыбнувшись, подвёл девушку к большой доске, на которой висело расписание. Вокруг толпилось множество молодых людей и девушек, кто в халатах, а кто и без. Быстро найдя расписание второго курса, молчаливый юноша потыкал в него пальцем.

– Тебе сейчас нужно вот в эту аудиторию, – объяснил он, заглядывая в своё расписание. По какой-то радостной случайности аудитории оказались рядом. – Пойдём?

– Пойдём! – радостно улыбнулась девушка, двинувшись в указанном направлении.

Аркаша, пока сдавал свои экзамены, детально изучил корпус «лечебников»,⁸⁵ поэтому в расположении аудиторий ориентировался хорошо. Поднявшись по красивой лестнице из белого мрамора, они оказались в полном студентов коридоре, но юноша не дал Мэйделе потеряться, шагая в известном ему направлении. Через несколько минут девушка оказалась в огромной, по её ощущениям, комнате, рассмотрев амфитеатром располагавшиеся столы, первый из которых оказался свободным.

– Ты не заблудилась? – поинтересовался какой-то юноша, отметив молодость Гиты и не помня её на первом курсе.

– Нет, – помотала та головой. – Это же второй курс лечебников?

---

⁸⁴ В школах в то время изучался немецкий.

⁸⁵ Лечебный факультет, куда относится и хирургия.

– Лёшка, оставь девочку, она, наверное, как Пашка – сразу на второй поступила, – заметила какая-то очень серьёзная девушка в белом халате, расстёгнутом на груди так, что был заметен её комсомольский значок. – Привет, – поздоровалась она. – Меня зовут Лена.

– Гита, – робко отозвалась Мэйделе. – Я из Одессы...

– Комсомолка? – уточнила Лена. – На учёт встала? – и, увидев ответный кивок, улыбнулась. – Вот молодец!

В этот момент их прервал громкий звонок, отчего ойкнувшая Гита быстро уселась за стол, приготовившись слушать. Спустя несколько минут в аудиторию вошел мужчина лет сорока-пятидесяти, в костюме, а не в халате. Мэйделе почему-то отметила именно внимательный и какой-то пронизывающий взгляд. Это оказался Александр Николаевич Бакулев – выдающийся уже тогда хирург. Он внимательно оглядел собравшихся, чуть улыбнувшись немного жадному взгляду девушки на первом ряду, выбранную в ученицы его учителем.

– Здравствуйте, коллеги, – заговорил он, заставив удивиться Мэйделе. – Вы все будущие коллеги, так что привыкайте к такому именованию. Нам предстоит много работы в этом году, поэтому я бы хотел остановиться на...

Гита с интересом слушала, записывая опорные моменты, потому что лекция была обзорной, касаясь каких-то ещё не изученных дисциплин. Александр Николаевич быстро завоевал внимание студентов, и после лекции сделал знак остаться Гите. Ещё раз внимательно осмотрев девушку, хирург усмехнулся.

– Профессор Спасокукоцкий будет ждать вас по средам в четыре пополудни на кафедре, – передал Мэйделе информацию Бакулев. – В ваших интересах не опаздывать.

– Ой... Спасибо! – горячо поблагодарила мужчину Мэйделе, а он видел тот самый огонёк в её глазах, который отличал учителя от других коллег.

– Что-то случилось? – поинтересовался Аркаша, заметив несколько ошарашенное выражение лица девушки.

– Не знаю ещё, – медленно ответила ему Гита, рассказав затем то, что ей передали, и всё понявший Аркаша горячо поздравил девушку.

«Здравствуй, милая Мамочка! Как вы там проживаете? Я очень-очень скучаю! Представляешь, меня взяли в ученицы! Сам Спасокукоцкий! Я была такой счастливой, когда узнала. Аркаша постоянно стремится оказаться рядом, что мне очень помогает. Хотя мне иногда странно... Скажи, это странно, что он рядом? Мама, Мамочка, как бы я хотела тебя обнять сейчас... Ривка пишет, что у неё всё в порядке и ей всё очень нравится, а я хочу к тебе... Я неблагодарная, да?..» – буквы древнего языка ложились на бумагу, по щекам катились слёзы, а где-то там далеко Циля грустно вздыхала, читая пронизанные любовью и тоской строки, написанные её младшей дочерью.

Потянулись дни. До каникул было очень далеко, зато профессор начал брать девушку на операции, приучая к виду крови и внутренностей, воспитывая умение быстро находить решение. Не самый молодой врач будто что-то чувствовал, стремясь передать свои знания и опыт девушке, отчего та сильно утомлялась, но не роптала, с молитвой встречая новые испытания. А ещё очень помогал Аркаша, к которому Мэйделе, кажется, начала привыкать.

Зимняя сессия всё приближалась, отчего с одной стороны становилось все страшнее, а с другой... После сессии каникулы... Мама! Мамочка! Манеру девушки писать слово Мама с заглавной буквы профессора отметили, но ничего по этому поводу не говорили, а вот студенты удивлялись. Но девушка была активной, от работы не отлынивала, как-то успевая совмещать общественную работу и институт, не забывая при этом о синагоге, чему немало способствовал всегда готовый помочь Нудельман.

– Пельцер, зайди к секретарю, – попросил её кто-то из комсомольцев, на что девушка кивнула. Институтский комитет комсомола часто давал Гите поручения, с которыми она справ-

лялась, не ропща и не задавая лишних вопросов. Даже на политинформации девушка рассказывала так интересно, что посещаемость занятий была почти стопроцентной.

– Кто за то, чтобы послать Гиту Пельцер представлять... – на всякие городские мероприятия девушка также отправлялась с улыбкой, возвращаясь с неизменной благодарностью. Еврейскую девушку заметили, причём, по слухам, чуть ли не сам Мехлис⁸⁶, отчего провокаций в отношении Гиты не было совсем.

«Здравствуй, милая Мамочка! У меня всё хорошо, даже очень. Вчера на практическом занятии мне доверили держать крючки⁸⁷, это было так интересно, хотя и немного страшно, но я будущий врач и должна уметь всё. Как ты там? Как Папа и Йося? Сдаётся ему медицинская наука? Скоро уже и зимняя сессия, а потом мы соберёмся все вместе за нашим столом, да?» – Гита писала каждое письмо как молитву, будто разговаривая с Мамой, предугадывая её ответы, и читать эти листы, заполненные буквами древнего алфавита, было как-то очень тепло. Цили ждала каждого письма, отвечая своей Мэйделе. Девочка была в Москве совсем одна, разве что мальчик... но каждую минуту чувствовала свою Маму рядом, что ощущалось в каждой строке.

– Не надо нервничать, – улыбнулся профессор, ещё вчера наблюдавший счастье девочки от похвалы Спасокукоцкого, очень круто взявшегося за этого почти ребёнка. – Вы всё знаете, вот и расскажите мне...

И Гита рассказывала, зачастую увлекаясь, но её не останавливали – профессора ещё помнили себя самих, радовались за неё, за её желание нести избавление людям, поэтому с удовольствием принимали экзамены. А растерявшая страх девушка радовалась каждой отличной оценке, великолепно сдавая сессию и тем самым приближая день отъезда домой. Её стремление было заметно многим, потому Гиту, которую всё чаще начинали называть Мэйделе, не нагружали.

Вот наконец последний экзамен оказался позади, и литерный поезд, уведомив всех паровозным гудком, был готов увезти её вместе с Аркашей домой. Лязгнули сцепки, поплыл назад Киевский вокзал, отмечая начало пути домой. Счастливо улыбаясь, ехала домой *а идише мэйделе*.⁸⁸

---

⁸⁶ Советский государственный и военно-политический деятель.

⁸⁷ Инструменты для разъединения мягких тканей в хирургии.

⁸⁸ Еврейская девочка (идиш).

Часть 11

– Мама! Mamочка! – кричала Мэйделе, чуть ли не вываливаясь из вагона, несмотря на недовольство проводницы.

– Мэйделе! – ветер принёс ответный крик, и, едва лишь поезд остановился, девушка оказалась в объятиях Мама. – Как ты, малышка?

– Mamочка... – шептала, не замечая своих слёз, Гита, обнимая и целуя самое дорогое существо на свете, а с перрона смотрел на это Аркаша, думая о том, какой же Мэйделе ещё, по сути, ребёнок.

– Мэйделе! – Ривка, приехавшая на день раньше, обняла сестрёнку, не расцеплявшуюся с Mamой.

У них было совсем немного времени – всего десять дней, но это были их дни, поэтому Нудельман, лишь поприветовавшись с тётей Цилей и Ривкой, хотел уже отправиться домой, что ему сделать, разумеется, не дали. Все вместе Пельцеры и Аркаша отправились домой, а Гита рассказывала. Она рассказывала, как соскучилась, как ей плохо без Мама, как она счастлива вернуться домой. Снег скрипел под подошвами зимних ботинок, а семья шла домой, совершенно не замечая заснеженной Одессы.

Уже дома, рассевшись за столом, – хотя Аркаша, извинившись, всё же ушёл, – Гита, Ривка, Йося, Мама и Папа смотрели друг на друга со счастливыми улыбками. Дети вернулись, хоть и ненадолго, домой, и было в этом что-то действительно волшебное. Мэйделе жалась к обнимавшей её Mamе, за окном стоял январь тысяча девятьсот сорокового года, последнего счастливого года, но ни Гита, ни Мама этого ещё не знали. Сейчас они сидели за общим столом, делясь своими успехами, и только Гита, полускрыв глаза, грелась в тепле Маминых рук.

– Тяжело тебе, доченька? – тихо спросила Циля свою младшую.

– Ничего, Мама, я справлюсь, – радуясь возможности поговорить на идише, ответила девушка. – Главное, чтобы ты улыбалась.

– Тяжело нашей Мэйделе, – заметил Йося, видя это выражение неземного счастья на лице сестры. – Может быть, стоит перевести её в Одессу?

– Нет, Йося, – покачал головой Изя. – Мама права, там её будущее; вот закончит, будет уважаемым врачом и у нас.

– Как бы я хотела забрать вас всех с собой, – тихо проговорила Гита. – Просто сунуть в карман и увезти, чтобы вы были рядом.

– Мы всегда рядом с тобой, малышка, – улыбнулась Циля, погладив дочь, становившуюся в эти мгновения совсем маленькой.

– Аркаша мне очень помогает, – призналась девушка, наслаждаясь Маминим теплом. – Если бы не он, я, наверное, пропала бы.

– Может быть, ты ему дорога? – поинтересовалась Циля. – Подумай об этом.

– Хорошо, Mamочка, – пообещала та, кого звали «девочкой» в любом возрасте. Правда, сразу же думать об этом она не захотела, потому что рядом была Мама.

Каникулы пролетели как-то очень быстро. И, хотя Ривка гуляла с Мишкой по Чкалова,⁸⁹ уже ставшей почти центральной улицей города, и с удовольствием посещала кинотеатр, то вытащить младшую из дома было технически невозможно – только с Mamой. Мэйделе ходила хвостиком за Цилей все десять дней каникул, не желая покидать самого родного человека на свете. Но наступивший февраль заставил семью вновь расстаться.

Снова поезд... Гита плакала всю ночь, не давая спать и Mamе. Девушка ничего не могла с собой поделать, только утром немного вздремнув. Сидя за столом, Мэйделе вглядывалась

---

⁸⁹ Дерибасовская улица.

в лица... Папа, озабоченно смотревший на неё. Йося – немного грустно от разлуки, ведь он очень любил свою младшую. Ривка – с жалостью, старшая сестра очень хорошо понимала свою младшую. И Мама... Самая тёплая, самая лучшая на свете Мама. Гита желала запомнить лица, которых будет лишена целых пять долгих месяцев, ещё не зная, что Папина больница послала в институт запрос на практику товарища Пельцер и этот запрос было решено удовлетворить, ибо как относилась Мэйделе к своей семье, ни для кого секретом не было.

А вечером скорый поезд уносил сестёр в Москву. Гита плакала в объятиях Ривки, не в силах успокоиться. Старшая сестра, грустно улыбаясь, гладила Мэйделе по голове, давая выплакаться. Это было очень тяжело. Ривка понимала, что младшая любит Маму сильнее всех них вместе взятых. Они уже давно забыли, что Мама не рожала Гиту, – сестра оказалась такой родной и милой, что словами это просто не выражалось. Аркаша ехал в соседнем купе, позволяя сестрам побыть друг с другом, и Мэйделе была ему очень сильно благодарна, начав задумываться о том, что и почему делает юноша.

Гите было физически тяжело расставаться; кроме того, что-то не давало покоя девушке, что-то будто надвигалось откуда-то со стороны, будто готовое прыгнуть и вцепиться в неё, подобно огромной собаке из глубин памяти. От этого ещё становилось просто страшно. Усталая Гита уснула прямо на руках старшей сестры, гладившей её всю ночь. Слышавший подробности истерики Нудельман лишь сокрушённо качал головой – его Мэйделе было очень, очень непросто, так непросто, что девушка едва выдерживала разлуку. Отец Аркадия внимательно выслушал сына на каникулах и только вздохнул – в сердце девочки была лишь Мама, полностью занимая это самое сердце.

– Доброе утро, Ривка, – открыла свои волшебные глаза Мэйделе. – А мне Мама снилась...

– Ой-вей, мэйделе... – вздохнула старшая сестра, не забыв погладить по голове младшую. – Садись, покушаем.

В Москву поезд прибыл ближе к обеду. Ривке нужно было сменить вокзал и успеть на свой поезд – в Ленинград, поэтому сёстры двигались быстро. Попрощаться, впрочем, они успели, после чего, проводив старшую свою сестру, младшая долго сидела в парке, стирая варежкой катившиеся по щекам слёзы. Неслышно подошедший Аркаша сел рядом, без спросу обнимая девушку, сначала, кажется, этого даже не заметившую, и лишь потом расплакавшуюся, уткнувшись носом в зимнюю шинель юноши. Аркаша очень хорошо понимал, что происходит с Мэйделе, единственное, чего не мог понять юноша – почему происходит именно так. Девушка временами будто становилась очень маленькой, как малыши из педиатрического отделения, поднимавшие рёв каждый раз, когда маме нужно было отойти дальше чем на шаг.

Осторожно подняв Мэйделе, Аркаша отправился с ней в общежитие, чтобы сдать там с рук на руки «церберу». Начинался второй семестр, обещавший подарить много интересного ученице самого Спасокукоцкого.

* * *

Несмотря на то, что Мэйделе училась не на военном факультете, её учитель приводил девушку на лекции именно для военных врачей. Возможно, дело было в том, что отгремевшая Зимняя война вскрыла слабости в подготовке специалистов, а возможно – просто в предчувствии профессора. Но нагрузка Мэйделе усилилась так, что девушка возвращалась в общежитие только глубоким вечером, падая на койку без сил. Тут приходила очередь Машеньки заботиться о Гите.

*«Здравствуй, милая Мамочка! Очень-очень уже соскучилась, просто до слёз! Ты не пове-
ришь, что случилось недавно, – профессор как-то организовал курс лекций самого Бурденко⁹⁰!*

⁹⁰ Русский и советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии, главный хирург

А ещё я всё чаще участвую в операциях как операционная сестра. Это такая ответственность! Ривка пишет, что у неё все хорошо и Мишка хороший, наверное, скоро и под хуну⁹¹ поведёт? Аркаша... Он хороший, Мамочка, но... Я не знаю... Когда уже семестр закончится, чтобы я могла вернуться к тебе, Мама! Как там Папочка? И Йося? Мамочка...» – от тоски иногда рвалась, казалось, сама душа, и слёзы капали на листок бумаги в линейчку, вырванный из школьной тетрадки. А письмо летело в Одессу, летело к самым близким на свете людям.

Аркаша старался поддерживать сильно устававшую девушку, что было замечено её учителем. Профессор Спасокукоцкий решил попробовать взять к себе и этого пылкого юношу, чтобы проверить, насколько тот готов жертвовать собой, ибо в этом и было искусство. Обнаружив Аркашу на лекции по полостной военной хирургии, Мэйделе очень удивилась и страшно обрадовалась. Теперь им было проще, потому что военный факультет был в отдельном здании.

– Как ты думаешь, почему нам дают хирургию на таком уровне? – поинтересовалась как-то девушка, устало вытягивая ноги после трёх часов стояния у стола.

– Либо профессор считает это обычной практикой, – задумчиво ответил юноша, – либо что-то предчувствует. В любом случае, наше дело учиться.

– Да, учиться... Хорошо, что мы теперь вместе на лекциях, – призналась Мэйделе, и от этих слов что-то замерло в груди Аркаши, хотя он понимал, что девушка совсем не имела в виду чувства.

– Ты теперь хотя бы обедаешь вовремя, – улыбнулся ей юноша, старавшийся быть рядом, помогая отчаянно тосковавшей по дому девочке.

Кроме института, была и общественная работа, но учитель и здесь что-то сумел сделать, потому, даже трудясь по комсомольской линии, молодые люди продолжали учёбу. Ну и, конечно, различные съезды, с трибун которых звучали искренние, пламенные слова Мэйделе, заставлявшие поднимать голову и желать... Правильные речи говорила Мэйделе, очень правильные. Это, правда, не мешало девушке разговаривать с Ним. Пусть и втайне от многих, но не мешало. Молитва помогала жить, успокаивая.

После очередного такого собрания комсомольцев города, которое проходило поблизости от Кремля, Мэйделе, беззастенчиво пользуясь остатками памяти о будущем, объясняла заинтересованным лицам, как нужно правильно, по её мнению, организовать дорожное движение, , когда девушку прервали. Высокий мужчина с внимательным взглядом, но не нёсший угрозы, прервал Гиту, объяснявшую, что реле может управлять сигналами, освобождая тем самым регулировщика для более важных дел.

– Товарищ Пельцер? С вами хотят поговорить, – негромко произнёс этот мужчина. – Прошу следовать за мной.

– Да, конечно, – улыбнулась девушка, в первый момент немного испугавшаяся. Однако на энкаведешника мужчина совсем не походил, потому вряд ли был опасным.

– Не старайтесь юлить и подлизываться, он этого не любит, – счёл нужным предупредить Мэйделе незнакомец.

– Это все не любят, – понимающе кивнула Гита, догадавшись, что судьба сталкивает её с кем-то из руководства, возможно, даже... страной?

Николая Александровича Михайлова девушка, разумеется, узнала. Трудно было не узнать первого секретаря комсомола, поэтому, вежливо поздоровавшись, Гита спокойно улыбнулась, что мужчине, разумеется, понравилось. Вот только зачем он вызвал её, девушка так и не поняла. Расспросив о семье, о планах, улыбнувшийся первый секретарь отпустил Мэйделе, отправившуюся в институт. Она даже не знала о том, что у одного кремлёвского начальника в блокноте напротив её фамилии появилась пометка: «личный кадровый резерв, обкатать».

Красной армии в 1937—1946 годы.

⁹¹ Здесь: замуж позовёт.

«Здравствуй, милая Мамочка! Скоро уже и сессия! И я приеду, потому что Папочкина больница попросила, чтобы я практику проходила дома! Я такая счастливая, просто не сказать какая! Аркаша какой-то очень тёплый стал, меня везде поддерживает, наверное... Впрочем, до каникул это точно подождёт. Мама! Мамочка, совсем скоро мы увидимся!» – прижатый к груди листок, исписанный древними буквами, и шевелящиеся в молитве губы... Маша уже привыкла к такому виду подружки, это значило – Мэйделе пишет домой. Поражаясь такой любви к родителям, Машенька только грустно улыбалась.

Сессия пролетела совершенно незаметно, казалось, Мэйделе стремится сдать все как можно скорее, потому спешит, не оглядываясь... Только Нудельман внимательно следил за тем, чтобы девушка вовремя ела и отдыхала, а та принимала ласку Аркаши, его робкие объятия, его тепло, отчего тоска по дому и по Маме будто бы слегка отступала. Но вот и последний экзамен остался в прошлом.

– Ты тоже едешь? – удивилась Мэйделе, помнившая, что вроде бы у Аркаши должна быть практика.

– Ну как же я тебя одну отпускаю, Мэйделе? – поинтересовался Аркаша, помнивший «битву» по поводу его практики. Нудельмана запросил Одесский городской комитет комсомола по своей линии, поэтому понадобилось вмешательство чуть ли не Центрального комитета, но всё разрешилось успешно, отчего летняя практика у Аркаши была «по партийной линии».

– Здорово, – прошептала девушка, которой почему-то стало очень тепло от этих слов юноши. – Поехали? – спросила она.

– Поехали, – согласился Аркаша, отправляясь со своей Мэйделе на вокзал.

Уже сидя в купе, Гита задумалась о собственных ощущениях. Были ли это те самые «чувства» или нет, девушка не понимала, решив обсудить с Мамой, а пока она ждала, когда паровоз загудит, отправляясь домой. Всей душой, всем сердцем стремилась домой *а идише мэйделе*.⁹²

---

⁹² Еврейская девочка (идиш).

Часть 12

Целых два месяца каникул! Конечно, была ещё и практика в больнице, где, узнав, чья Мэйделе ученица, ставили её только на операции, помогая развить навыки операционной сестры, показывая, объясняя, поэтому Гита нарабатывала опыт именно на операциях. Крови она не боялась, а вот сам ход операций был очень интересен. Кроме практики, была Мама... Мамочка, Ривка, Йося, Папочка и... Аркаша.

– Возможно, ты ему дорога, доченька, – ответила Циля на вопрос ребёнка, думая о том, что где-то внутри её Мэйделе ещё совсем маленькая девочка. – Попробуй дать ему шанс – погулять, когда зовёт...

– Я хочу с тобой, Мамочка... Мне так страшно без тебя... – тихо ответила ей Гита. – И с каждым днём все страшнее, как будто надвигается что-то.

– Ну, тогда пойдём все вместе, – улыбнулась та, кто была важнее всех на свете для девушки. – Вот завтра в кино, хочешь?

– Хочу! – заулыбалась Мэйделе, усадив в больницу на очередную операцию. Нудельман провожал девушку в больницу и из больницы, не рассказывая, впрочем, чем занимается, хотя очень большой тайной это и не было.

Кинотеатр располагался на Шмидта⁹³ – совсем недалеко от дома, поэтому назавтра, в выходной день, вся семья, вместе с Аркадием, направилась смотреть, конечно же, «Если завтра война».⁹⁴

---

⁹³ Сейчас – Александровский проспект.

⁹⁴ Советский пропагандистский хроникально-постановочный фильм о готовности СССР к возможному нападению потенциального агрессора, о готовности Красной армии дать отпор любому врагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.